

Владислав Крисятецкий
ЛИНИЯ СВОБОДНА

сборник 2004 - 2024

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владислав Крисятецкий

Линия свободна.

Сборник 2004-2024

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70925659

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-90199-5

Аннотация

Двадцать лет текстов, вдохновленных наблюдениями, размышлениями и мировосприятием. Они отличаются настроениями и жанрами, но в основе создания каждого из них один и тот же момент пробуждения. Он напоминает телефонный звонок. Это уведомление о новом задании. И пропуск в увлекательный мир, героям которого не терпится рассказать свою историю.

Содержание

I. Фрэджилити. Рассказы, миниатюры (2004-2008)	4
Светофор	4
День вишневого цвета	51
Темно и холодно	73
Спасибо	112
Прощание с любимой игрушкой	116
Двадцать шагов	148
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Владислав Крисятецкий

Линия свободна.

Сборник 2004-2024

I. Фрэджилити. Рассказы, миниатюры (2004-2008)

Светофор

Свет от лампы нестерпимо бил в глаза. Свадебный подарок это был, или лампа досталась от ее матери – теперь он уже не помнил. В любом случае, тот, кто ее преподнес, вряд ли догадывался о том, что подарок этот через некоторое время станет для него символом совместной жизни в браке.

Две лампочки, сияющие одинаково ярко, но независимо друг от друга. От яркости одной из них не становится теплее другой. Обе светят для других, но не для себя, несмотря на то что постоянно видят друг друга. И обе функционируют только тогда, когда включены в сеть. Все остальное время проводят в потухшем «холодном» состоянии.

Вот только что будет, когда одна из них перегорит, он не

знал. Впрочем, режим их работы был гораздо более экономичным, чем режим работы лампы, которую он видел перед собой.

– Тебе нужна сейчас эта лампа? Может, выключишь? – спросил он.

Она повела плечами, не оборачиваясь. Ее традиционный жест, означавший в данном случае недоумение.

– Я не накладываю мейк-ап в полумраке, – бесстрастно проговорила она, не отрывая глаз от своего отражения в зеркале.

Вот так. Мейк-ап. Придание лицу парадного вида. Подготовка лампочки к включению в сеть.

Он прикрыл глаза ладонями, скрываясь от навязчивого света.

Почти год. Время, о котором он не мог рассказать ничего. Праздники, которыми он старался, как мог, наполнить каждый день своей жизни, остались в прошлом. К чему он стремился теперь? Он уходит от общения с друзьями и знакомыми. Родители, родственники – теперь они словно на другой планете, а не в другом городе. Работа, от которой он ждал так много – сейчас это просто трата времени от утра и до вечера. Его глаза потеряли цель на горизонте, которую еще совсем недавно явственно видели. Он напрягает зрение, но видит только силуэты или символы вроде этой лампы на столе.

Рядом с ним чужой человек, понять мечты и желания которого он не мог со времени их знакомства.

«Парень отхватил даму треф, а? Она ведь племянница Ковалева, если я не ошибаюсь? Да? Малыш отхватил племянницу Ковалева? – Не совсем так, мужики. В первую очередь она дочка Степанова. – Степанова? Того самого? О, тогда беру свои слова обратно. Пацан вытащил из колоды джокера! Всегда говорил, что он счастливчик». Слова, которые он случайно услышал во время свадьбы от своих знакомых.

Этот брак сулил ему безбедное существование. Шанс. Он им воспользовался и получил то, что хотел. «Безбедное» – да, абсолютно. «Существование» – точнее не скажешь.

В свои 26 лет он выполнил жизненную программу, о которой ему и сокурсникам мечталось во время их студенческой жизни в общежитии. В тот период времени, когда он, строя глупые планы и производя нелепые расчеты, делал свое будущее ослепительно ярким.

– Не опаздываем? – послышался голос Лены, извлекающий его из пространства между ладонями.

Он не ответил. Она обернулась к нему. Припудренная, причесанная. Готовая. Первоклассная красotka.

– Что с тобой? Мне казалось, ты хотел пойти. Там ведь будут и твои друзья тоже, – сказала она слегка удивленно.

Несколько секунд он молча смотрел в ее глаза, пытаясь в очередной раз что-то в них увидеть. Но снова безрезультатно. Видимо, света от ее лампы хватало лишь для того, чтобы привести в порядок внешность. «Надеюсь, ты оставила

мне немного косметики, чтобы изобразить на лице беспечную улыбку», – подумалось ему.

– Да, мы успеваем. Конечно, идем, – ответил он, вставая.

Колесо машины в очередной раз «поймало» колдобину, их снова тряхнуло.

– Черт бы взял этот город! – в очередной раз яростно выкрикнул Сереня, выворачивая руль. – Надо было все же сделать крюкан и объехать его. Подумаешь, потеряли бы час. По крайней мере, от тачки хоть что-то осталось бы.

– Просто на дороге надо смотреть, а не по мобильнику трепаться. Это не Швеция, не Финляндия и даже не Эстония, если ты еще не заметил, – проговорила она с усталостью в голосе.

Он бросил на нее короткий взгляд, поерзал на сидении и потерял свою толстую шею мощной пятерней. Но не сказал ни слова.

Все та же скудная жестикуляция. Мальчика обидели, но он должен быть мужчиной – сделать над собой усилие, не разнервничаться и не въехать своим здоровым кулачищем в челюсть желчной тетке на соседнем сидении. Надо «вести себя по-пацански», говоря на его наречии.

Она взглянула на него с легкой усмешкой. Интересно, надолго его мужества и выдержки хватит? Пока он, насколько был способен, старался вести себя как можно благороднее,

но его глаза и повадки говорили о том, что ударить женщину для него совсем не проблема, «не вопрос».

Порывшись в сумочке, она достала сигарету и потянулась к бардачку за зажигалкой.

– Не кури в машине, я этого не люблю, – тут же отреагировал он, отчетливо выговаривая слова.

Вот снова. «Врубил шефа», как говорит он и его дружки. Пусть, мол, почувствует, кто истинный хозяин. Великовозрастный ребенок. Неужели все мужчины такие? Или они такие только в этой стране? Такие же серые и безликие, как ее попутчик. Сереня – так он предложил себя называть. Что ж, пусть будет Сереня, если это сделает ее похожей на его обычных «чувих», и если это единственное условие для того, чтобы тратить на нее деньги. Это не имело большого значения, как и то, куда они едут. Наверняка он везет ее в свой «навороченный» особняк, его фантазия вряд ли простирается дальше. Валяй, вези, плэйбой Сереня, пока нам по пути.

По пути? А куда ведет ее путь? После этой идиотской поездки в места, которые еще недавно казались ей едва ли не святыми; после бестолкового свидания и ссоры с человеком, с которым она еще недавно связывала свое семейное будущее – что вообще теперь ей было нужно? Что имело значение, если она возвращается в город, из которого ей хотелось поскорее вырваться? Что оставалось у нее такого, к чему стоило бы вернуться?

Ответа не было. Была лишь та же отвратительная дорога.

Полустершиеся полосы, пробегающие под колесами авто. И ленивый осенний день, клонившийся к вечеру.

Снова пронзительно зазвонил его мобильник. Взглянув на высветившийся на дисплее номер, Сереня нажал кнопку и поднес трубку к уху.

– Алле! – пробормотал он, затем его лицо исказилось от улыбки. – А, Колян, здорово! Как дела, братан?..

Она коротко взглянула на него, затем достала из бардачка зажигалку и закурила.

– Когда ты заберешь машину из ремонта? – спросила Лена, звонко выстукивая каблучками рядом с ним.

– Не знаю, – рассеянно бросил он в ответ.

– Будем ходить пешком, как образцовые служащие, вроде твоих родителей? – чуть повысила она голос.

Эти слова задели его, но он позволял ей достаточно много, а эта реплика была не лучше и не хуже многих других ее высказываний. Эта «папина дочка» временами заслуживала хорошей порки, но от скандалов он старался уходить, и пока сил на это у него хватало.

– Будем пока наслаждаться чудесной погодой, – сказал он спокойно.

– Очень смешно. Будем наслаждаться чавканьем по грязи и скольжением по заледеневшим неосвещенным дворам, – начиная задыхаться от собственного темпа ходьбы, проговорила она.

– Ты можешь забрать ее сама, ребятам из автосервиса давно пора познакомиться со своей постоянной клиенткой, – произнес он, не глядя в ее сторону.

«Слишком едкая фраза. Сейчас ребенок обидится» – подумалось ему тут же.

Лена посмотрела на него, поджала губы и замолчала.

«Точно. Я снова потерял на время ее чудесный голос» – усмехаясь и досадуя одновременно, сказал он себе, в очередной раз чувствуя укол усталости и безразличия ко всему вокруг.

Они подошли к перекрестку и оказались в толпе пешеходов у светофора.

Попытавшись отвлечься, он посмотрел по сторонам. В окошке красной «Ауди», остановившейся на перекрестке, тускло мерцал огонек сигареты. Он сконцентрировал все свое внимание на нем, иногда это помогало ему успокоиться. Но в этот момент на окне иномарки, как на фотобумаге, проступили контуры лица владельца сигареты. Владелицы, точнее.

Человек, разговаривающий по мобильному телефону за рулем транспортного средства, не способен адекватно оценивать ситуацию на дороге. Видимо, до Серени эту мысль в свое время забыли довести. В этот раз они не угодили в яму и не напугали пешехода, но, несвоевременно сбросив скорость, он не успел миновать светофор, за что получил пару

неодобрительных гудков от водителя следующей за ними и явно куда-то спешащей «десятки».

Не мешайте мальчику развлекаться. Какое ему дело до ваших срочных дел? За рулем непризнанный король автострады, обсуждающий важный вопрос по мобильнику, не видите, что ли?

Сквозь приоткрытую форточку она выдохнула облачко сигаретного дыма и снова затянулась. Толпа пешеходов с нетерпением наблюдала за светофором. Вот он, момент единения. Все люди, как заговоренные, смотрят в одну точку. Ей показалось, что даже одеты они одинаково – бесформенные куртки и мятые плащи. Она возвращается, чтобы снова стать одной из них. Чтобы наряду со всеми стоять на перекрестке и с хмурым усталым лицом ждать, кляня себя, жизненные неурядицы, погоду, светофор и соседа-прохожего.

Тут она заметила, что один из них пристально смотрит на нее. Наверное, все же не на нее, а на броскую «Ауди» Серени. С чего бы это ему буравить глазами незнакомку на переднем сидении чужой иномарки? Она чуть приблизилась к боковому стеклу и вгляделась в этого пешехода.

И вдруг он улыбнулся.

За ним наблюдали. Это было первым, что он обнаружил, выходя из воды. Молодая женщина лет двадцати шести, расположившаяся в метре от его полотенца, несколько секунд вглядывалась в его фигуру, затем снова вернулась к чтению.

Конечно, «наблюдают» – слишком сильно сказано. Просто «смотрят». Как смотрят миллионы женщин на примерно такое же количество мужчин в разгар купального сезона на морских побережьях в разных уголках земного шара. В то время как миллионы мужчин на этих же побережьях бросают многозначительные и не слишком многозначительные взгляды на примерно такое же количество женщин.

Серьезные серо-зеленые миндалевидные глаза на правильном овале лица. Прямые светлые волосы до плеч, стройное тело, роскошный загар – все это также было при ней, но впервые для него в женщине определяющими оказались ее глаза. Не только определяющими, но и таинственным образом подталкивающими к действию.

– Простите, хотел бы заметить, что ваши глаза правильного морского цвета, – подходя, изрек он как можно более небрежно.

Она смерила его отстраненным взглядом.

– Видимо, на берегу моря у каждого при себе должно быть что-то морского оттенка. У вас, к примеру, есть ваши плавки, – сказала она после паузы и снова обратилась к книге.

Да. Похоже, он попал в поле ее зрения по ошибке. Безразличие в негромком, но четком голосе, давало вполне очевидный ответ. Но ее глаза удерживали его на месте. Они были слишком хороши, чтобы так быстро сдаваться.

– Приятно, что вы это заметили. Тем более, если учесть, что после купания они потеряли свой первоначальный цвет,

потемнели от воды слегка, – сказал он, сопровождая слова своей лучшей улыбкой.

«Отличный выстрел, старик!» – сказали бы его друзья, если бы в этот момент находились рядом с ним.

Она снова подняла глаза, и теперь он увидел в них проблеск оживления.

Его улыбка застала ее врасплох.

Еще несколькими минутами ранее это был лишь пижонистый увалень в светло-зеленых плавках, неосмотрительно бросивший свою сумку перед ней (обдав ее ноги россыпью песка), и метнувшийся в море так стремительно, словно оно собиралось вот-вот покинуть побережье.

Первая сказанная им фраза превратила его в стандартного «курортного мотылька», мнящего себя непревзойденным охотником за женским полом. Неоригинальный комплимент вкрадчивым голосом.

И вдруг эта улыбка. По-мальчишески озорная и вместе с тем делающая его лицо одухотворенным. Чем-то неуловимо похожая на улыбку ее отца – одно из коротких воспоминаний о нем, сохранившихся в ее памяти.

– Вы впервые здесь? – спросил он.

Внезапно она ощутила, что глаза игнорируют ее призывы вернуться к чтению и продолжают с удивлением смотреть на незнакомца.

– Была пару лет назад. С мужем.

В отличие от глаз, ее голос полностью подчинился ей, остался подчеркнуто спокойным.

Несколько секунд он внимательно смотрел на нее, затем наклонился за полотенцем и, выпрямившись снова, взглянул куда-то вдаль.

– Мне искренне жаль, что вы расстались, – произнес он.

Она почувствовала, как ее левая бровь поползла вверх. Это было уже не просто легкое удивление. Ее голос был безукоризнен, когда она говорила последнюю фразу. Лицо не могло выражать ничего из того, что с ней происходило. Тогда как он догадался, как за считанные секунды смог проникнуть в ее голову и заглянуть в ее жизнь? И почему он сразу выдал результат? Попытка произвести впечатление? Или он способен на что-то большее? Она не могла прочесть ответ на его лице, и это еще сильнее сбивало ее с толку. Он больше не был похож на «охотника», сожаление в его голосе казалось неподдельным, а его взгляд был теплым и открытым.

– Вам не кажется, что этот разговор не вполне соответствует пляжной беседе? – сказала она, пытаясь вывести себя из замешательства.

– Полностью согласен, – сразу же ответил он, словно ожидая этой реплики. – Хотел бы встретиться с вами сегодня в 19.00 в гостиничном ресторане. Если вы ничего не имеете против.

Она молчала, не отрывая своих глаз от его лица.

– Отлично, – бросил он, затем уложил полотенце в сумку

и направился к выходу с пляжа.

Просто, как дважды два. Она считала себя умнее любого мужчины. Но, видимо, этот человек не был «любим» – не придал значения ни равнодушию на ее лице, ни холоду в ее голосе. Переиграл ее с легкостью и уверенностью, не позволив ей вставить ни слова. Разве? Разве он заморочил ей голову каким-то красивым монологом? Разве очаровал остроумием? Покорил цитатами из классиков? Нет, просто она, несмотря на реноме «женщины, которая за словом в карман не полезет», на этот раз не нашлась с оценкой тому, что видели ее глаза. И даже теперь, глядя вслед назначившему ей свидание незнакомцу, не могла найти объяснений. «Ерунда какая-то», – подумала она растерянно. – «Никуда я не пойду, с какой стати?» Но внутренний голос ответил тут же: «Еще как пойдешь. Да еще и в своем лучшем платье».

Ресторан постепенно заполнялся людьми, желавшими приятно провести теплый приморский вечер в уютной компании. Джаз, цветы в резных вазочках, приглушенный свет – атмосфера романтики была выдержана идеально. Мужчины в костюмах, женщины в легких летних нарядах. Ему нечасто доводилось отдыхать в ресторанах, и изящество всего того, что он видел вокруг себя – от розочек в петлицах музыкантов оркестра до причудливых узоров на стенах – привлекало его внимание и будоражило воображение.

Но лишь до того момента, как она появилась в зале.

Недостаточность освещения не позволяла ему определить цвет ее элегантного вечернего платья, но наверняка оно было того же серо-зеленого оттенка, что и глаза, которые смотрели прямо на него, пока она шла от двери до его столика. Уверенная и красивая походка хозяйки своей судьбы. Браслет на правой руке и часики на левой. Цепочка на тонкой шее. Светлые локоны, накрывающие обнаженные плечи. Кажалось, он уловил каждую мелочь в ее внешности, несмотря на то что видел перед собой только ее глаза. Теперь в них не было утренней серьезности и отстраненности, они лишь по-прежнему излучали внутренний свет, привлекая его и оставившийся для него таинственным.

– Заказали что-нибудь? – с легкой улыбкой бросила она первую фразу.

Еще несколько секунд он неотрывно следил за ее движениями. Она расположилась напротив него лицом к оркестру, положила сумочку рядом и неторопливо осмотрелась, прежде чем снова взглянуть на него. Улыбка показалась ему столь же завораживающей, что и ее взгляд. Настолько чарующей, что он не сразу нашелся с ответом.

– Нет, я даже не думал о еде, так ожидал вашего появления, – проговорил он.

Слова прозвучали довольно тихо, и он не был уверен, что она расслышала их. Ее брови чуть приподнялись, она снова повернула голову, разглядывая зал.

– Ребята неплохо постарались, чтобы создать интимную

обстановку здесь, вы не находите? – сказала она, переключая свое внимание с посетителей на оркестр.

Ему вдруг захотелось, чтобы исчезли и зал, и люди за соседними столами, и музыка. Он остро почувствовал необходимость ее взгляда, ее внимания для себя. И это придало ему уверенности.

– Да, получилось довольно уютное местечко, – заговорил он, наконец, – хотя ко всему при желании можно придраться. Например, к униформе официанток – по мне, она довольно безвкусна.

Она снова повернулась к нему и, чуть наклонив голову, усмехнулась.

– Вы случайно не модельер? Может быть, тогда вы оцените и мой наряд? – проскочила в ее голосе кокетливая нотка.

– Вы выглядите великолепно, – произнес он, глядя ей прямо в глаза. – В этом у меня нет никаких сомнений, хотя я вовсе не модельер.

Она снова загадочно улыбнулась и слегка кивнула в знак благодарности.

– А кто вы по профессии, если не секрет? – спросила она, вглядываясь в его лицо.

– Рекламный агент, – коротко ответил он, наблюдая за ее реакцией.

Она с понимающим видом усмехнулась.

– Помогаете богатым дядям и тетям выгодно расставаться с деньгами?

– Да, с выгодой для них, ну и для фирмы, конечно, тоже, – добавил он и усмехнулся в ответ.

Она весело рассмеялась. Пока он не видел в ней той серьезной молодой женщины, которую встретил утром на пляже. Но в ней появился особенный шарм, который до этого был от него скрыт. Беззаботность в ее голосе, раскованность в позе и жестах. Улыбка, которая делалась то немного насмешливой, то чуть легкомысленной, но постоянно присутствовала на ее лице. Дама напротив него становилась другой или хотела таковой показаться. И только ее глаза излучали тот самый ровный и притягивающий свет. Ему казалось, что глаза эти по-прежнему хранили свою тайну.

– Человек на такой работе, наверное, должен неплохо разбираться в людях? – произнесла она, словно проникая в его мысли.

– Возможно, – сказал он с подчеркнутой скромностью, – хотя, не скрою, мне хотелось бы знать их значительно лучше. Женщин особенно. Может, вы мне в этом поможете?

Последний вопрос сорвался с его губ неожиданно для него самого, но выражение ее лица нисколько не изменилось.

– Я? Вряд ли у меня получится, – задорно проговорила она. – Боюсь, я не могу похвастаться даже тем, что сама знаю себя достаточно хорошо.

Он посмотрел на нее с улыбкой, готовясь сказать что-нибудь ободряющее или, по крайней мере, остроумное. Но язык снова его не послушался.

– В таком случае, может быть, вы позволите мне помочь вам? Мне кажется, что рядом с вами нет человека, который мог бы это сделать.

Она определенно обладала какой-то странной магией, и он все явственнее чувствовал себя заложником этого волшебства. Простые слова, которые говорятся в беседе с незнакомой дамой, словно испарились из его сознания. Внезапно он как будто остановил разговор и направил его по неведомой ему самому траектории. И сделал это раньше, чем успел спросить себя о причине этому.

Улыбка на ее лице слегка померкла, но по-прежнему оставалась, словно его собеседница не была уверена в своем отношении к сказанному. Поворот был неожиданен и для нее. Или все же не был? Ведь еще утром она увидела в этом незнакомце что-то новое для себя. Стоило ли удивляться, что несколько минут пустого разговора были перечеркнуты этим человеком в одну секунду? Пока она не была готова к пониманию ответа на этот вопрос.

– Ваша уверенность, наверное, очень помогает вам в вашей работе, – заговорила она чуть тише, чем раньше. – Но в данном случае, по-моему, вы слегка заторопились.

Она взглянула в его глаза, ожидая увидеть смущение или разочарование. Возможно, ей стало бы легче от этого, по крайней мере, это было бы понятно. Но взгляд человека напротив не изменился – он просто смотрел на нее. Она не увидела ни мужского нетерпения, ни детской капризности.

Ни угрозы, ни насмешки. При этом в них оставалось что-то теплое и родное, чему она не находила названия. Она заставила себя отвести взгляд и попробовала переключить свое внимание на оркестр, затянувший очередную джазовую композицию.

Возможно, этому разговору нужна была пауза, она помогла бы ему вернуться в прежнее русло. Но следующая реплика подоспела чуть быстрее, чем это возвращение могло бы случиться.

– Я всего лишь говорю о том, что вижу. И абсолютно не спешу, вечер только начался. Мне хотелось бы провести его с вами, несмотря на то что я до сих пор не знаю вашего имени. Это как раз к вопросу о моей торопливости.

Голос звучал твердо и уверенно, чего нельзя было сказать о состоянии его хозяина. Мысли совершенно перемешались в его голове. И одновременно ему становилось легче от того, что вещи, которые он не смел сказать никому раньше, теперь так свободно и решительно прорывались наружу. Навстречу той, которая, как ему казалось, могла бы оценить все сказанное.

Оркестр продолжал играть, но она словно перестала его слышать. Да, торжественная часть вечера подошла к концу, едва начавшись. Она сама не заметила, как вежливая улыбка соскользнула с ее лица. Как исчез и всякий смысл изображения жизнерадостности и легкомыслия. Незнакомец не говорил об этом вслух, но она чувствовала, что он видит ее зна-

чительно глубже, чем ей хотелось бы позволить. Страх она не чувствовала. Оставалось ощущение чего-то необычного, недоступного в понимании. И она по-прежнему не знала, как к этому относиться.

В этот момент к столику, наконец, приблизилась официантка. Ее бело-голубой легкий костюм с передником действительно выглядел довольно нелепо на фоне шикарных нарядов посетителей. И, как будто чувствуя это, девушка держалась подчеркнуто отстраненно. С вежливой официальной осведомленностью она осведомилась о заказе, однако, с ответом ни молодой человек, ни его спутница не торопились. Они смотрели друг на друга и со стороны выглядели несколько растерянно, словно люди, только что получившие какое-то невероятное известие. Немного подождав, она удалилась, оставив загадочных клиентов наедине с их размышлениями.

– Марина, – произнесла она, как только официантка отошла от их столика.

– Максим, – тут же откликнулся он, слегка наклоняя голову.

– Понимаете, Максим, – заговорила она тихо и четко, – когда я говорю с незнакомым мужчиной, то предпочитаю знать, что ему от меня надо. А что нужно вам, мне пока непонятно. Вам придется показаться из-за своей маски загадочности, если вы хотите, чтобы наш совместный вечер удался.

Не то, все не то... Она едва не закрыла глаза от огорчения и разочарования. У нее было время, чтобы подумать, пока

рядом находилась официантка. И что же? Все, на что хватило ее женского обаяния – это пара резких фраз в адрес человека, который только что предложил ей помощь?

Упершись локтями в края столика, он наклонил голову еще ниже, словно пристально изучая узор на скатерти прямо перед ним. Да, все правильно. Ни к чему был этот разговор. Еще одно его высказывание – и она возьмет свою сумочку, а затем, бросив последний взгляд, скроется, исчезнет для него навсегда. Он ясно увидел эту картину, и его сердце сжалось от такого зрелища. Неужели даже тогда, когда ему внезапно предоставился шанс встретить ту, о которой мечталось, он не сможет сделать ничего, чтобы удержать ее рядом даже на вечер? Неужели он...

– Вы понравились мне. С самого первого взгляда. Понравились не как красотка на пляже. Я увидел в вас большее. Я чувствую ваш свет, и с каждой минутой он все дороже для меня. И я не хочу вас отпускать.

Фразы рождались и тут же рывками вылетали, выталкивались из него. Пока они летели, он неотрывно следил за ее глазами, чувствуя, что они помогают ему. С каждым новым словом он чувствовал себя свободнее. Он был уверен в том, что она поймет его, даже несмотря на неказистость оборотов, и от этого на сердце становилось теплее.

Этого не может быть. Мужчины давно не говорят таких слов, они находят другие и считают их, как и себя, решающими, бьющими точно в цель. «Ваш свет»? «Я увидел в вас

большее»? Кто ты и почему говоришь мне это так прямо и не смущаясь? И почему, черт возьми, я верю?

– И еще я вижу, что вы несчастливы. Оттого, что играете множество ролей, и не можете себе позволить быть самой собой, – сказал он и замолчал, глядя на нее.

Вот почему. Потому что он видит меня.

Еще несколько мгновений она смотрела на него, не мигая. А затем почувствовала, как нечаянная улыбка приводит ее губы в движение. Сердечная улыбка.

– Устали от игр? – позабытым «домашним» голосом поинтересовалась она.

– Да. Причем как по чужим, так и по своим правилам, – ответил он, помедлив.

Она с улыбкой протянула руку к сумочке.

– Я закурю, ты не возражаешь? – спросила она.

– Кури на здоровье, – отозвался он. – Ты вообще можешь вести себя так, как тебе захочется. По крайней мере, со мной.

– Спасибо, я это запомню, – сказала она, бросив на него мимолетный взгляд.

Вытащив из пачки сигарету, она щелкнула зажигалкой. Ее пальцы заметно подрагивали. Она знала, что он видит это. В другой ситуации она не позволила бы постороннему мужчине увидеть свое душевное состояние. Но внезапно ей стало легко от ощущения того, что необходимость что-то скрывать не довлеет над ней. Никаких игр, только она, сигаретный дым и человек напротив.

– Скверная привычка, согласна, – произнесла она извиняющимся тоном. – То небольшое, что осталось со мной от супружеской жизни. Мы действительно расстались с мужем, ты был абсолютно прав.

Он наблюдал за переменой в ней, удивляясь и радуясь одновременно. Его поразила ее способность во мгновение сбросить маску и получить удовольствие от этого. Ее свобода тут же передалась ему, он почувствовал какое-то обновление в себе, словно кто-то вдруг снял все запреты, открыл невидимую дверь в другое измерение, заменил штампы, рамки и условности чем-то другим – доступным, естественным, чистым, справедливым.

– Хочешь поговорить об этом? – спросил он.

Она ненадолго задумалась, затем покачала головой.

– Наверное, нет. Все это в прошлом, в которое мне уже не хочется возвращаться. Я полюбила не человека, а его деньги, и в этом была моя ошибка, за которую я расплатилась двумя годами душевного забвения. Нельзя было жить по принципу: «богатство есть, а любовь приложится». Нельзя было требовать от человека того, чего он не мог мне дать. И ждать превращения бизнесмена на дружеской руке с криминалом, крутящего романы с несмышленными девчонками за моей спиной, в прекрасного светлого рыцаря было просто нелепо.

– Но разве современная женщина не стремится прежде всего к комфорту?

– Современная женщина, как и любая другая, стремится

ся к счастью для себя и своей семьи. Пусть даже не всегда осознавая это. Просто пути для этого подбирает разные, в меру своей женской фантазии. Кто-то, как одна из моих подруг, ищет любовь и машет рукой на комфорт, а потом воспитывает троих детей без мужа в старенькой однокомнатной квартире. А кто-то, как я, живет в роскоши, но не чувствует жизни, отдаляется от нее шопингами, маникюрами, массажами и прочими прелестями, которые может с легкостью себе позволить. Мечтает о ребенке, и сама усмехается этой мечте. Наверное, счастье, как и все в этой жизни, находится где-то на золотой середине. Тот, кто не требует от жизни и от своего спутника больше, чем ему действительно нужно, выигрывает.

Она говорила задумчиво, к концу монолога ее взгляд затуманился. В очередной раз затянувшись, она снова взглянула на него и улыбнулась.

– Ну и наворотила я тут... Прости, это всего лишь философствования одинокой молодой женщины. Несчастливой, как ты верно заметил.

– Наверное, хорошо, что ты все это сказала. Может быть, что-то поняла для себя, – сказал он спокойно и, помолчав, добавил, – и я тоже что-то понял, надеюсь.

Он кивнул ей, получился весьма дружелюбный жест. Она чуть склонила голову в знак благодарности. Все получалось легко, каждая эмоция чутко отражалась на обоих лицах и также чутко читалась. Окружающая обстановка только до-

полняла картину. И возвращение официантки также показалось им на редкость своевременным.

На этот раз они не заставили себя ждать с заказом. Довольно бойко и со знанием дела определили легкий ужин для двоих, заставив официантку усомниться в том, что они и были той самой парой, которую она видела за этим столиком несколькими минутами ранее.

– Расскажи о себе, Максим, – попросила она, когда девушка отправилась передавать заказ. – Ты, наверное, человек с весьма интересной судьбой.

– Да нет, я думаю, о моей судьбе пока можно говорить только в будущем времени, – произнес он, усмехнувшись. – Пока я только строю планы на свою дальнейшую жизнь. Эдакие «мечты рекламного агента на отдыхе»...

Она чуть прищурилась и, положив голову на руки, замерла в ожидании. Увидев это, он снова усмехнулся.

– Похоже, теперь мы пришли к разговору о мужской мечте.

– Мне будет вполне достаточно услышать о том, к чему стремишься ты.

Он повернул голову к залу и несколько секунд смотрел на посетителей. Затем снова взглянул на нее. Мужество и серьезность, которые она увидела в его глазах, поразили ее. Похоже, молодой человек, сидевший перед ней, действительно к чему-то стремился, он не прожигал свою жизнь впустую. Она вспомнила, как еще несколько часов назад приняла его

за легкомысленного повесу, и почувствовала укол стыда.

– Это труднее сформулировать, чем я думал, – доверительно сказал он. – Дело в том, что у меня нет четкого плана на жизнь. Я много мечтаю, многие варианты держу в голове. Но цели, наверное, только две. Мне нужна материальная независимость, чтобы ни я, ни моя будущая жена, ни мои дети, ни родители не чувствовали себя ущемленными, обязанными кому-то. И я хочу сохранить в себе физические и душевные силы, чтобы быть полезным моей семье.

– Хочешь сделать головокружительную карьеру, но не «сгореть» на работе? – спросила она с доброй усмешкой.

– Нет, я бы не назвал себя человеком амбициозным, а потому мне не нужна головокружительная карьера. Мне просто нужна работа, которая позволила бы мне самореализоваться, неплохо бы оплачивалась и оставляла бы мне достаточно времени для моей семьи. Такая вот мечта, – проговорил он и, улыбнувшись, пожал плечами.

Она тепло улыбнулась в ответ.

– Из тебя должен получиться отличный семьянин, – сказала она. – Ты просто находка для «домашней» женщины.

– А разве не все женщины хотели бы чувствовать себя «домашними» – нужными, зависящими и зависимыми? – спросил он, склонив голову набок.

– Думаю, многие из них с тобой бы поспорили, – проговорила она в ответ, и, сделав паузу, добавила. – Но я бы скорее согласилась.

Третий визит официантки, на этот раз с заказом, был снова воспринят ими спокойно. Они будто были поглощены своими мыслями. Девушка попыталась перестать обращать внимание на изменения в поведении молодой пары, но любопытство заставляло ее пристальнее, хоть и тайком, присматриваться к этим двум посетителям. Со вкусом одетые, приятной внешности, без колец на безымянных пальцах, милые и вежливые в обращении – чудесная интеллигентная пара, проводящая тихий летний вечер. Хоть сейчас на рекламный буклет курортного санатория. Но какие разные эмоции на этих молодых лицах ей довелось увидеть за такой короткий срок? За этим столиком была создана какая-то особая аура, которая ей раньше не встречалась. Словно происходило некое действие, актеров которого она видела, но роли которых оставались для нее недоступны. Гости за другими столиками постепенно расходились по номерам или напивались, они сплетничали, громко смеялись или ругались – и только эта пара как будто была наполнена какими-то другими переживаниями, которые непостижимым для обывателя образом коснулись и ее, неприступной девушки в бело-голубой униформе.

– Закажете что-нибудь еще? – осторожно спросила она.

Молодой человек взглянул на нее так, как будто не сразу понял смысл ее слов, затем тепло улыбнулся.

– Нет, спасибо, этого вполне достаточно.

– Я буду неподалеку, сообщите, если что-то понадобится.

ся, – проговорила официантка менее официальным тоном, чем обычно.

Девушка за столиком удивленно подняла глаза и, ненадолго задержав взгляд на ее лице, благодарно кивнула.

– Обязательно, большое спасибо за такую чуткость. Вы прекрасно работаете.

– Приятного аппетита, – сказала, слегка покраснев от похвалы, официантка и поспешила к соседнему столику, откуда ей настойчиво помахивал рукой нетерпеливый посетитель.

– Как мила эта девочка, правда? – обратилась она к нему.

– Да, я даже готов взять назад собственные слова о ее наряде, – усмехнулся он.

Она засмеялась.

– Ну-с, не пора ли нам подкрепиться? – весело поинтересовалась она.

– Согласен, не все же нам вести сложные разговоры на вечные темы, – иронически приподняв бровь, отозвался он и взялся за вилку.

– Я не была здесь раньше, а стоило бы зайти, – проговорила она, принимаясь за коктейль, означенный в меню, как «фирменное блюдо».

Он отставил пустую тарелку в сторону и улыбнулся в ответ на ее фразу.

– Кажется, мы оказались голодными.

– Я думаю, мы просто не успели испортить друг другу аппетит, – предположила она с улыбкой.

Его смех оказался сердечен и заразителен, а потому был ей особенно приятен.

– Спасибо тебе за этот вечер, Марина, – неожиданно сказал он.

– А что, он уже подходит к концу, как наш ужин? – удивилась она.

– Нет, конечно, нет, – тут же ответил он. – Просто я хочу сказать тебе, что предыдущий час был удивительным. Как бы не сложился дальнейший вечер, я уверен, что он запомнится мне надолго.

– Для воспоминаний еще будет предостаточно времени, Максим, – почти пропела она в ответ.

– И то верно. Оставим прошлое для будущего и сделаем свое настоящее запоминающимся, – со значимостью в голосе изрек он.

– Ого! Цитата? – изумилась она.

– Нет, экспромт собственного сочинения, – с нарочитой гордостью произнес он и рассмеялся.

– Здорово, – шутливо восхитилась она и, понизив голос, добавила с усмешкой, – только знаешь, чтобы оставить этот вечер в памяти, мне, кажется, пора проветриться. Фирменный коктейль оказался довольно пьяным для меня.

– Без вопросов, – поддержал он. – Нам действительно пора прогуляться.

«Милая» официантка действительно была неподалеку. Ему оказалось достаточно лишь оглянуться на нее, чтобы она тут же направилась к их столику.

Весело расплатившись, они покинули зал. Пару секунд де-вушка молча смотрела им вслед, но затем, словно опомнившись, собрала посуду с их столика и отправилась на кухню. По дороге она поймала себя на мысли, что хотела бы увидеть эту пару за тем же столиком снова.

Было около половины девятого. То самое время, когда солнце прощается со своими черноморскими поклонниками до нового дня, скрывается от них за хребтами, как правило, оставляя вместо себя чудесный нежный ко всем отдыхающим вечерок. Именно он и встретил их на выходе из ресторана.

Несколько секунд они молча стояли на ступеньках, наблюдая за тем, как последние отблески волшебного светила покидают верхушки сосен и крыши крохотных жилых домов с табличками «Сдается комната», перестают играть в стеклах витрин магазинчиков и прибрежных закусочных, передавая их во власть яркого искусственного освещения. И вот он, последний чуть грустный взгляд солнца на свое отражение в бескрайнем море. До завтра, не скучайте...

– Удивительная картина, правда? – произнесла она. – Каждый раз она меня поражает и завораживает. Вроде бы ничего нового не происходит... Но одновременно столько

всего переворачивается в душе, столько успокоения и надежды... Почему этого нет в городских пейзажах, или я просто потеряла ощущение естественности среди многоэтажек?

– Боюсь, мы все в какой-то мере потеряли себя в каменных джунглях, – задумчиво откликнулся он. – Но хорошо, что некоторые еще чувствуют это и умеют радоваться простым знакам внимания природы, которые никто отнять не в силах.

Они спустились по лестнице и зашагали по тропинке к морю. Едва уловимый сосновый запах и стрекот цикад усилились, словно настойчиво пытаюсь оставить след в памяти каждого прохожего именно сейчас, когда главное сверкающее сокровище здешних мест отправилось почивать. Хруст гальки под ногами, далекая музыка с неугомонной набережной, приглушенный женский смех в парковой беседке... Звуки обострились, и каждая нота казалась совершенно гармоничной в лениво, но уверенно подступавших сумерках.

– Предлагаю отправиться к Камню Вечности, – вдруг сказала она с улыбкой.

– Честно говоря, я понятия не имею, что это такое, – удивился он. – И как-то не припомню подобной экскурсии в предложениях местных бюро.

Она усмехнулась.

– Ее там и не может быть. Это мой эксклюзив. Можно даже сказать, моя выдумка, – проговорила она. – Составишь компанию фантазерке? Правда, придется немножко пола-

зить по камням.

– С удовольствием. Поход к сказочному камню закатной порой, что может быть романтичнее? – вздохнул он мечтательно, поднимая голову к небесам. – Тем более, если оттуда также хорошо видны эти вечерние звезды.

– Оттуда все видно гораздо лучше. Когда я там очутилась, у меня возникло полное ощущение, что я оказалась наедине с вечностью. Отсюда и название – Камень Вечности.

– Звучит весьма привлекательно, – произнес он в небо и посмотрел на нее. – Такие слова должны принадлежать нежному и мудрому созданию. Мне, кажется, это соответствует тебе в полной мере.

– Если только где-то глубоко внутри, – усмехнулась она в ответ. – На самом деле эти слова принадлежат даме на перепутье, которая далеко не всегда мила с окружающими и отнюдь не всегда понимает смысл своих поступков. И даже мечта ее не идет ни в какое сравнение с мечтами доверчивого и нежного ребенка, которого видишь ты.

– Не хочешь озвучить? – предложил он, не сводя с нее глаз.

– Мою мечту? – бросила она на него мимолетный взгляд. – Я уже упоминала о ней вскользь. Хочется жить по-человечески. Родить ребенка от порядочного и обеспеченного человека. От того, кого можно было бы назвать Мужчиной и больше никогда в справедливости этого определения не сомневаться. Как не сомневаться и в правильности, в честно-

сти его поступков и намерений. И чтобы наш ребенок был счастливым, физически и духовно развитым, добрым и внимательным. Человеком будущего.

Ему нечего было ответить на это. Она говорила с таким чувством и сердечностью, что шутки, как и любые другие комментарии показались ему неуместными.

– Беспокоит только осуществление этого проекта, – со жгучей иронией в голосе продолжила она. – Ведь довольствоваться малым я не согласна, а соответствовать моим требованиям, наверное, совсем непросто. Обеспеченных людей, которых я знаю, съедает ощущение собственной невероятной значимости. Необеспеченные теряют терпение в погоне за хорошей жизнью. Время делает людей жестче, непробиваемее, циничнее...

Тут она прервалась и взглянула на него, будто опомнившись.

– Вот и я, несмотря на свои светлые мечты, постепенно становлюсь такой же, да? Прости, Максим, не принимай на свой счет. И вообще, поменьше обращай внимания на этот бред расстроенной жизнью тетки. Все наладится. Знаешь, я не жалею о том, что со мной произошло. То, что я впустую потратила молодость на жизнь в золотой клетке – неправда. Каждое событие надо воспринимать как урок и винить в поражениях только себя. Искать причины в себе, делать выводы и жить дальше, стремиться к поставленной цели. Правда?

Ее взгляд смягчился, она нежно улыбалась ему.

– Конечно, да, Марина, – сказал он просто. – И все будет хорошо, пока ты способна смотреть на себя со стороны.

– Ну и отлично, – почти пропела она и взяла его за руку. – Кстати, вот мы и пришли.

Он удивленно огляделся по сторонам, не заметив за разговором, как они оказались на побережье прямо перед довольно высокой баррикадой из валунов.

– И который из них будет Камнем Вечности? – спросил он с улыбкой.

– Он находится как раз за ними, – пояснила она. – Однажды вечером я прогуливалась вдоль берега, наткнулась на эту каменную глыбу, и женское любопытство заставило меня заглянуть за нее. И вот. Считаю, что я была сполна вознаграждена за это своим открытием. Помогай, ковбой, мы должны преодолеть этот завал.

Он усмехнулся ее словам и, держа ее руку, стал осторожно карабкаться по камням.

– Даже если мы упадем и разобьемся, можно будет назвать это достойным завершением вечера, – пробормотал он.

Через пару минут они уже были на вершине завала.

– Вот он, мой красавец, – восхищенно выдохнула она, кивая на гигантский валун, в предсумеречной синеве неба напоминавший исполинскую фигуру богатыря.

Он словно вырос из воды и неумолимо тянулся ввысь, простирая к небесам выступ, чем-то похожий на мощную руку в перчатке. Между валуном и камнями, на ко-

торых стояли они, образовалась уединенная площадка метров на пять в длину и на десять в ширину, ограничиваемая хребтом, протягивавшимся вдоль берега. Притихшее море облизывало прибрежную полосу темно-серой гальки, отражая в своих водах безмятежное небо, провожавшее к горизонту последние розоватые перья облаков.

– Как чудесно, – вырвалось у него.

– Добро пожаловать на мою летнюю площадку, – промурлыкала она и засмеялась. – Спустимся вниз?

Вид с «летней площадки» ничуть не уступал виду с вершины. Теперь завал и валун-богатырь словно образовывали треугольную рамку, в которую попадал морской горизонт, едва отличимый в этот вечерний час от моря и неба. Ему тоже показалось, что в этой картине есть какой-то едва уловимый замысел природы. Все словно было исполнено ожидания. И одновременно будто шептало какую-то сокровенную тайну мироздания. Тайну вечности.

– Великолепно, – сказал он ей. – Побольше бы таких открытий.

Она стояла рядом с ним и молча смотрела в море, как и он, наслаждаясь каждым штрихом раскинувшегося перед ними полотна.

Внезапно она высвободила свою ладонь из его пальцев и сделала шаг к воде.

– Неплохо бы искупаться, – проговорила она решительно и завела руку за спину к застежке на платье.

Он чуть озадаченно улыбнулся.

– Ну, вообще-то неплохо бы, только я не захватил с собой... – начал он и осекся.

Ее платье полетело к его ногам, а следом за ним она, ничуть не смущаясь, сбросила с себя бюстгальтер и трусики.

– В позднее время на безлюдном побережье плавки, как и купальник, совсем необязательны, – лукаво улыбнувшись, сказала она и добавила: – Давно мечтала это сделать.

С этими словами она развернулась и направилась к морю. Он провожал взглядом ее обнаженное тело, отказываясь верить своим глазам и одновременно не видя в ее поступке ничего шокирующего.

Войдя в воду по щиколотку, она оглянулась.

– Ну, а ты не хочешь присоединиться? – спросила она. – Вода просто замечательная.

– Ты себе не представляешь, какой сейчас открывается вид с берега. Я бы назвал эту картину: «Женская грация в последних красках дня», – крикнул он ей.

– Тебе не удастся меня смутить, – ответила она. – Присоединяйся, будет, о чем вспомнить!

Он посмотрел по сторонам.

– А место действительно безлюдное? За одежду можно не беспокоиться?

– Я об этом не подумала. Ладно, оставайся, будешь сторожить, – со смехом бросила она ему и продолжила свой путь.

Он смотрел ей вслед, понимая, что уже давно не видел ни-

чего более красивого. Ее светлые волосы чуть развевались на шаловливом морском ветерке, а вода с радостным плеском принимала в свои объятия столь привлекательную гостью. Наконец, она вошла в море по пояс и снова оглянулась на него.

– Сторожить, значит... – задумчиво пробормотал он, еще раз взглянул по сторонам, и вдруг воскликнул. – Черта с два!

Спешно срывая с себя одежду, он бросился к воде.

Она отплыла всего на несколько метров. Он догнал ее очень быстро, с легкостью скользя по прохладной водной глади. Она задумчиво смотрела в сторону горизонта, а когда он подплыл к ней вплотную, развернулась к нему и едва заметно улыбнулась.

Поймав ее взгляд, он остановился прямо перед ней и улыбнулся в ответ. Ее глаза и улыбка были пленительными и одновременно раскрепощающими.

– Как водичка? – спросила она и, прежде чем он успел ответить, ее руки обхватили его и привлекли к себе.

Их губы соприкоснулись, и раньше, чем они оба успели сообразить, что произошло, вода заботливо скрыла своих поздних гостей от возможных посторонних взглядов, коих, признаться, не было ни в этот момент, ни когда разгоряченные тела продолжили свой разговор на берегу.

– Одевайся, начинает холодать, – послышался ее голос.

– О, нет, мне так хорошо, что я боюсь даже пошевелиться, – проговорил он, с улыбкой глядя на темнеющее звездное небо перед собой.

– Давай-давай, если не хочешь назавтра проснуться с простудой.

Он не обратил внимания на тон ее голоса во время первой реплики, но во время второй понял, что холодает не только на побережье. Холодом повеяло на него и от того, как были сказаны эти слова. Он приподнялся на локтях и взглянул на нее. Она спокойно надела платье и застегнула его, равнодушно глядя перед собой.

– Что-то случилось? – спросил он и присел, не отрывая глаз от ее лица. Он не видел уже ничего вокруг, пораженный внезапной переменой в ней.

– Все нормально, – с напускной небрежностью бросила она, удостоив его лишь мимолетным взглядом. – Просто нам пора идти.

– Даже если ты хочешь, чтобы наш вечер закончился прямо сейчас, совсем необязательно отворачиваться от меня, – сказал он ей, чувствуя нотки обиды в своем голосе. Вокруг не только холодало, но и быстро темнело. И ему казалось, что примерно то же происходило в это время с ними.

Он протянула руки за туфлями, но его фраза остановила ее. Некоторое время она смотрела себе под ноги, и, наконец, подняла взгляд на него. И тут его сердце сжалось. В ее глазах он увидел слезы. В них уже не было пустоты, но не осталось в

них и следа от радостной задумчивости, с которой она пришла сюда. Это было так неожиданно для него, что он замер в растерянности.

Чуть помедлив, она взяла туфли и, приблизившись к нему, села рядом. Они сидели молча, глядя на стгущающиеся сумерки. Горизонта уже не было видно, море безразлично билось о громадный бесформенный камень со странным отростком, уставившимся в небо, которое успело утратить все свои светлые краски.

Он не торопил ее. Ей было непросто подобрать нужные слова. А они оба не знали, стоит ли вообще начинать этот разговор.

– Все в порядке, Максим, – наконец заговорила она. – Все было прекрасно, правда. Последние лучи солнца, запах морской воды, крики чаек вдалеке, теплая галька на берегу, наши ожившие от нежности тела... Все это великолепно. Наверное, об этом я мечтала, когда ехала сюда. Забыть обо всем и отвлечься, получить массу приятных эмоций и ощущений...

Все звуки, цвета и запахи словно исчезли для него. Как будто они находились на съемках фильма и вот, наступило время окончания съемочного дня, и бригада рабочих вынесла все декорации и потушила освещение. Все актеры свободны, могут расходиться по своим делам. И только двое из них задержались на площадке, в темноте продолжая свой незавершенный диалог.

– Но я сделала ошибку, – сказала героиня. – Сделала то, что делать не следовало, но удержаться от этого не смогла. До того, как мы оказались здесь, прошло очень много времени. Мы не встретились у этих камней, мы встретились гораздо раньше. Мы сказали друг другу гораздо больше, мы почувствовали друг друга гораздо тоньше. Ты сделал то, что было так нужно мне. Заглянул в меня и позволил мне самой увидеть то, что до нашей встречи я не видела. Ты освободил меня, позволил мне быть такой, какой я сама себя не знала. Был так внимателен ко мне. Оценил и не отверг мою искренность, мои мысли, мои тайны и мечты. Я открыла все с такой легкостью, что сама этого не ожидала. И, казалось, поняла себя. Нашла ключик. Но я позволила себе зайти слишком далеко. И мне больно оттого, что все стало развиваться неправильно. Оттого, что я превратила прекрасный, не похожий ни на что вечер в начало банального курортного романа, у которого нет и не может быть будущего.

Говоря это, она не смотрела на него. Слова и так давались ей невероятно тяжело, и любая мелочь в его взгляде могла унести в сторону тонкую нить ее мысли, которую она так старалась удержать.

Она боялась посмотреть на него и теперь, когда все или почти все было ею сказано. Ей хотелось, чтобы он ее понял. Но она чувствовала, как это трудно даже для нее самой и поэтому просто сидела рядом, глядя перед собой невидящими от темноты и подступивших слез глазами. Наконец, она

робко положила свою голову на его плечо. Секунду он сидел без движения. Затем его рука нежно обняла ее, а голова прислонилась к ее голове. В ту же секунду первая слеза выкатилась из ее глаз. Она почувствовала невероятное облегчение и благодарность.

Через некоторое время он поднялся и стал неторопливо одеваться. Понимая, что она смотрит на него, он постарался придать лицу спокойное выражение, но руки с трудом слушались своего хозяина, сообщая ей все о его внутреннем состоянии.

Она не упускала ни одного его движения, и ей казалось, что тяжесть, которая только что оставила ее, передалась ему. От этого становилось только хуже. Ее искренность уже не виделась ей необходимой, раз она влекла за собой такую печаль для них обоих. Но она уже не понимала, что означало «держаться в руках» и «притворяться». Человек, стоявший перед ней, был достоин того, чтобы знать, что творится у нее на душе. И страдал от этого... И она страдала вместе с ним.

– Нам обоим нужно отдохнуть, – вдруг тихо сказал он и внимательно посмотрел на нее. – Столько всего случилось в этот вечер. Он был таким разным, таким насыщенным эмоциями, что утомил и тебя, и меня. Завтра утром мы проснемся и увидим, что ничего плохого не случилось. Каждый из нас сегодня приобрел что-то новое и очень ценное для себя, и надеюсь, мы стали чуть лучше и мудрее. Просто нужен

тайм-аут, чтобы успокоиться, прийти в себя и понять, что в жизни случилось что-то важное. А все, что тяготит – всего лишь мелочи, с которыми мы сможем справиться.

Он подошел к ней и протянул руки. Опершись на них, она встала и тут же опустила в его объятия. По ее лицу струились теплые слезы, которых она впервые за долгое время не стеснялась.

Весь обратный путь они прошли молча, держась за руки и не глядя друг на друга. Природа, как могла, старалась развлечь одиноких странников, то поигрывая ветерком, то напевая что-то веселое голосами ночных птиц. Но и она, и он были слишком погружены в себя, чтобы отвечать улыбками на эти выступления или хотя бы просто как-то реагировать на них.

Они остановились только у дверей ее корпуса.

– Мы пришли, – прошелестел ее голос, и она повернула свое лицо к нему.

Он пристально посмотрел в ее глаза. Они глядели на него чуть устало, но благодарно. Слезы исчезли, легкая улыбка появилась в уголках ее губ.

– Спасибо тебе, – прошептала она, крепко сжимая его ладонь.

– Мы ведь ходим к нашему камню завтра? – проговорил он хриловато.

Улыбка коснулась ее глаз, они снова засияли ровным и

теплым светом, который ему так понравился.

– Никто не знает, что случится завтра. Приходи утром, – произнесла она нежно.

– Я зайду после завтрака. Ты подождешь меня? – спросил он с надеждой.

– Номер 216, второй этаж, в конце коридора, – проговорила она и коснулась пальцами его щеки. – Спокойной ночи. Нам нужно отдохнуть, ты прав.

Ему с трудом удалось заставить себя выпустить ее из своих рук. Она бросила на него последний взгляд и стала подниматься по ступенькам. Он молча смотрел, как размеренной походкой она приближается к дверям, открывает их и проходит внутрь. Еще несколько секунд ее силуэт был различим сквозь толстое дверное стекло, но затем и он рассеялся, как рассеялись последние штрихи этого теплого приморского вечера.

Утреннее солнце в строгом соответствии со своим обычным графиком совершало прогулку по идеально синему небу, очищенному ночным бризом от облачности, то есть приведенному в полную готовность «навстречу пожеланиям отдыхающих». Сами же гости курорта, сверкая загоревшими, обгоревшими, а иногда бледными телами то и дело появлялись в окнах корпусов пансионата. Лениво шурясь на солнце, они добродушно кивали и улыбались друг другу. Все отлично, очередной приятный солнечный день уже в карма-

не. Собираемся загорать, купаться и делать всякие милые глупости, на которые только сподобятся наши истосковавшиеся по развлечениям сердца. Но прежде ценный калориями завтрак в раскинувшейся неподалеку столовой. Небольшая традиционная толкотня у входных дверей корпуса – всего лишь забавная мелочь, подумаешь. Главное, не поднимать шум по пустякам, не портить чудесное настроение себе и остальным голодным гостям – и меньше чем через минуту ты уже на свежем воздухе, на пути к утренней пище.

Только в обратную сторону идти сейчас не время, о чем вот этот напористый молодой человек в мятом костюме явно не знает. Неместный? Или новенький? Скорее, второе. Кто же еще будет прорываться сквозь стройную толпу, да еще раздевшись в пиджак и брюки по такой жаре? Ну, проходи, проходи, коли так уж приспичило...

Его костюм действительно измялся за ночь. Брошенный в беспорядке на ночном берегу, а затем и вовсе использованный вместо пижамы, он не мог выглядеть по-другому. Впрочем, состояние костюма беспокоило его не так сильно, как могло бы, если бы он проснулся вовремя. Прошедшая ночь была далеко не самой спокойной в его жизни. Вернувшись в номер, он вдруг понял, что не в состоянии заснуть. Тело изнемогало от усталости, но голова была переполнена обрывками мыслей и переживаниями, не позволявшими даже подумать о безмятежном сне. Он слонялся по номеру, не в си-

лах подолгу задерживаться на одном месте, сконцентрироваться на чем-то одном. Попытки прилечь и забыться пресекались им же почти сразу. Он вздрагивал от малейшего шороха, вскакивал и подбегал к окну. Напрягая зрение, вглядывался в темноту, и ему казалось, что он снова видит ее силуэт, который тут же растворялся. Несколько раз он слышал ее голос, видел ее глаза напротив себя, – но то была лишь причудливая игра теней и ночных звуков, затеявших над ним свое колдовство.

Заснул он лишь под утро, когда уже собирался покинуть номер, чтобы пару часов погулять по утреннему побережью и привести себя в порядок перед новой встречей с ней. Вернее, забылся и тут же выдернул себя из бессмысленных сновидений. Сквозь занавеску на окнах, однако, уже вовсю пробивался свет, а его электронные часы высвечивали начало десятого.

И вот, позабыв обо всех условностях и правилах приличия, он мчался к ее корпусу, к ее дверям, к ней.

Прорвавшись сквозь толпу отдыхающих на входе, заслужив своей настойчивостью и внешним видом букет неодобрительных замечаний и колкостей, он ринулся к лестнице. По ней он взлетел на второй этаж и оказался в просторном и пустынном коридоре. Осмотревшись по сторонам в поисках горничной и не увидев ее, он направился влево от лестницы, торопливо поглядывая на дверные таблички. 209, 211... Нужна четная сторона. 212... 214... Ее номер действитель-

но был последним в коридоре, рядом с дверью располагалось огромное окно, сквозь которое внутрь пытались заглянуть кроны туй и еще каких-то неизвестных ему деревьев. Всем им словно было любопытно, что же он увидит, подойдя к цифре 216.

Дверь в номер была открыта настежь. Табличка на месте, никакой ошибки не было. Это был ее номер. Но еще раньше, чем заглянуть туда, он почувствовал, что ее в этом номере не окажется.

Внутри он увидел горничную, проворно менявшую постельное белье. Заметив его, невысокая женщина средних лет в фирменном халате с бэйджем приветливо улыбнулась.

– Доброе утро, – хрипло выдавил из себя он.

– Здравствуйте, – тут же откликнулся мелодичный исполнительный голос.

– Я ищу хозяйку этого номера. Вчера мы с ней договорились... – начал он, подбирая слова.

– Вы – Максим, верно? – неожиданно спросила горничная.

– Да, – растерянно подтвердил он.

– Марина говорила о вас, – сказала женщина, демонстрируя белоснежную улыбку.

– Очень приятно, но... – снова начал он предложение и снова не смог закончить, видя, как лицо горничной принимает участливое выражение.

– К сожалению, она уехала рано утром. Расплатилась и по-

кинула номер. Просила меня извиниться перед вами, – слышался слегка сочувствующий голос.

– Уехала? – переспросил он, чувствуя, как его сердце, набравшее бешеный ритм, внезапно остановилось.

Больше ему было нечего сказать. Она исчезла так же неожиданно, как и появилась, и он понял, что не знает ни ее телефона, ни адреса, ни даже фамилии. Он мог бы попробовать все это выяснить, но факт заключался в том, что она уехала. И если не разыскала его, значит и не искала новой встречи с ним.

– Спасибо, – пробормотал он и медленно пошел к выходу.

– Подождите минутку! – окликнула его горничная.

Он остановился.

– Она оставила вам записку, спросите у администратора, – сказала женщина за его спиной.

Тут он обернулся и пристально посмотрел на нее.

– Вы говорили с ней? Она сказала, почему уехала? Как она выглядела? Куда направилась? – его губы озвучивали один вопрос за другим, в то время как глаза словно искали надежду в образе этой седеющей участливой женщины со шваброй и мокрой тряпкой в руках.

Но та лишь чуть растерянно качала головой.

– Мы почти не общались с ней. Обслуживание, кухня, условия проживания – ее все устраивало. Она за все поблагодарила и меня, и администратора. Но сослалась на дела, на желание поменять обстановку. И несколько раз напомнила о

вас. Мне показалось, что она сожалеет о своем поступке, но не уехать не может, – задумчиво проговорила женщина.

Что-то материнское промелькнуло в ее взгляде, когда она снова посмотрела на него.

– Я уверена, что вы еще встретитесь, – вдруг сказала она. – Вы чем-то сильно на нее похожи.

Смутившись от необязательной фразы, она отступила к номеру, надела тряпку на швабру и бросила на него кроткий взгляд.

– Записка у администратора, – напомнила она и, коротко попрощавшись, скрылась в дверях.

Администратор, молодая женщина с живыми карими глазами и местным темно-коричневым загаром, с готовностью передала ему сложенный вчетверо листок бумаги. Он не придал значения любопытству в ее взгляде, важнее для него было то, что он держал в руках. Несколько секунд он медлил, словно пытаясь представить себе то, что прочтет. Наконец он развернул листок с надписью «Для Максима». Эта надпись, видимо, принадлежала руке администратора, потому что текст записки был написан совсем по-другому. На белизне бумаги крупным аккуратным почерком было выведено: «Спасибо, милый Максим. Мы еще обязательно встретимся. Ведь именно благодаря тебе...»

– ...мне удалось сделать свое настоящее запоминающим-

ся, – вдруг произнесла она.

Сереня удивленно посмотрел на нее и тут же удивился еще больше, заметив на ее лице теплую лучезарную улыбку. Она умеет так улыбаться? Почему-то ему ни разу не доставалось от нее подобных знаков внимания. А кому досталось, интересно знать? Он попробовал проследить ее взгляд, но в этот момент она повернула голову к нему и выжидающе посмотрела прямо в глаза. От этого взгляда ему вдруг стало не по себе. Нет, что-то не так с этой телкой, надо бы поскорее высадить ее из тачки и подыскать другую.

– Мы долго будем торчать на этом дурацком перекрестке? – послышался капризный голос Лены. – Возможно, ты решил простоять здесь до завтра? Но я предпочитаю встретить завтрашний день в тепле и в хотя бы минимальном комфорте.

– Никто не знает, что случится завтра, – не задумываясь, бросил он ей, и вдруг почувствовал, как радостная улыбка меняет его лицо, и как с очередным порывом колючего ветра уносятся все его дурные мысли и невзгоды.

Он взглянул на недоумевающую Лену, затем посмотрел перед собой. Прямо напротив него в спустившихся на осенний город сумерках горел зеленый сигнал светофора.

Декабрь 2003 – август 2004

День вишневого цвета

Будильник разразился своей безобразной трелью в начале девятого, вырывая меня из объятий сумбурных сновидений. Присев на край кровати, я несколько секунд пытаюсь припомнить хоть что-то из того, что снилось, но ничего, кроме бессмысленной беготни по темным переулкам, не возвращается. Такое ощущение, будто сон предпринял отважную попытку разобраться в моей реальной жизни, но ни к чему хорошему эти старания не привели, и он с облегчением воспользовался предложением будильника передать меня в руки наступившего дня. Так что неизвестно, кого именно и от кого этот звон освободил – меня ото сна или сон от меня.

Новый день, между тем, действительно набирал ход. Матово-красные шторы окрасились в алый цвет, но упорно не пропускают внутрь шаловливые солнечные блики. Предусмотрел. Заблаговременно укрылся от утреннего солнца. Надеюсь, что отсутствие признаков праздника лета в комнате быстрее приблизит меня к реальности; позволит поскорее понять, что первый рабочий день уже пришел на смену отпуску. И что вместо разочарования внутри меня поселится философское спокойствие. Удалось? Наверное, хотя вряд ли героические шторы тому причиной. Просто жизнь совсем не изменилась по сравнению с началом августа, когда я точно так же стоял у окна и строил планы на приближавшийся от-

пуск. Что мы имеем к его завершению? Ремонт почти закончен, но лишь на кухне, в прихожей и в Сашкиной комнате – продолжение следует ближе к зиме. Дача? Крыша дома покрыта на две трети, да выправлен покосившийся было забор. И еще много всяких мелочей, не имеющих большого значения. Ожидал другого. Хотел привести в порядок мысли и стряхнуть накопившуюся усталость. Но август не смог освободить меня из моей клетки, ему не удалось придать легкости моим шагам и безрассудности моим поступкам. Тогда к чему это? Зачем защищаться от солнца, если оно не имеет никакой власти надо мной. Прости, лето, за то, что мне не было весело с тобой, – ты честно старалось, но, видимо, со мной что-то не так.

Подхожу к окну и протягиваю руку, чтобы отдернуть шторы. Но в последний момент спохватываюсь. Оглядываюсь. Пусть поспит, раз будильник ее не разбудил. Сашка возвращается только завтра, хлопот не оберешься. Но сегодня пусть отдохнет. Может, хотя бы ей этот предпоследний день лета доставит немного удовольствия.

На кухне не удерживаюсь и все-таки выглядываю в окно. Да, все именно так, как я ожидал увидеть. С той лишь разницей, что в глаза бросается не голубизна и безбрежность летнего неба, не отблески ласкового солнца в окнах проезжающих машин, а незаметные до сей поры стайки желтеющих листьев, собирающиеся в саду и на тротуаре. «Дело к

осени», – все явственнее слышится мне шепот тополей и берез за окном. Вынужден согласиться и в очередной раз покачать головой.

Есть не хочется, но необходимо – впереди долгий и трудный рабочий день. Трудный оттого, что первый после долгой паузы, а не потому, что много работы, тем более интересной. Вряд ли кто-то вообще заметил мое отсутствие, оно не имело такой уж очевидной значимости для научно-технического прогресса, разве что для начисления моей же заработной платы.

Она входит по привычке тихо, когда я готовлю кофе. Медленно проходит мимо меня и останавливается у окна.

– Кофе будешь? – спрашиваю я, пытаюсь придать голосу заинтересованность.

– Буду, – без выражения говорит она, не оборачиваясь.

Не выспалась. Она всегда спала довольно чутко, и мой будильник все же пробрался и в ее сны. Похоже, что ей также не приснилось ничего жизнеутверждающего.

– Через три дня у Лехи день рождения, – произносит она рассеянно.

Действительно. В отличие от меня, у Оли была прекрасная память на даты. Она вообще всегда была более внимательной, более чуткой, более восприимчивой, чем я. Конечно, она наверняка видит, что со мной творится что-то неладное. И, может быть, даже хотела бы помочь, если бы сама не чувствовала нечто подобное. Тяжесть и пустоту, которая не

позволяла нам больше разговаривать по душам и слышать друг друга, как было когда-то, еще до рождения Сашки. Она думает, что я не замечаю этого. А я? Замечаю? Замечаю, но тоже не могу ничего с этим поделать. Пройдет. Вернется сын, и мы оба снова станем образцовыми родителями и чудесной парой. По мнению сослуживцев, родственников и родителей Сашкиных одноклассников.

– Мы приглашены? – спрашиваю я.

Не отвечает. Да, дурацкий вопрос. Леха Скворцов наш давний знакомый, один из немногих оставшихся в этом городе людей, которые помнят нас обоих и каждого по отдельности до свадьбы, после нее и сейчас, когда прошло уже больше 12 лет. Конечно, они с Лидкой ждут нас в гости. Посмотреть друг на друга, поговорить на общие темы и понять, что их совместная жизнь ничуть не отличается от нашей. Деньги, шмотки, дети, работа.

– Я сегодня, наверное, буду поздно, – говорю я, моя чашку.

Наконец, она оглядывается. Тени под глазами, спутавшиеся длинные волосы и халат поверх ночной рубашки. И снова это выражение глаз – печаль и отрешенность. Все вместе – портрет красивой женщины, ведущей неравный бой с тягостным душевным состоянием. Меня начинает раздражать эта картина, ее контуры стали моим вторым «я». Может быть, причина именно здесь? В том, что в этом зеркале я не вижу огонька надежды?

Еще несколько секунд мы смотрим друг на друга. Я надеюсь, что она скажет мне что-нибудь или что ее глаза изменят свое выражение. Но она лишь снова отворачивается к окну. А я снова начинаю сомневаться, что мне на самом деле интересно, о чем она думает.

– Приятного рабочего дня, – слышится ее голос.

Наверное, нам действительно стоит попробовать поговорить. Ведь мы не чужие, а просто вымотанные, потерявшие контакт, замкнувшиеся в чередке одинаковых дней люди. Возможно. Но не теперь, когда мне нужно бежать на работу. И не вечером, когда я, усталый и еще более раздраженный, явлюсь домой. Когда же? Что делать, когда необходимость разговора созрела, но оба собеседника не чувствуют в себе сил его начать? Видимо, это простой вопрос. Видимо, он имеет простой ответ. Но я не вижу его. Или не хочу видеть. Завтра вернется Сашка. Все будет нормально, наши мысли переключатся на него.

– В Сашкиной комнате, наверное, обои уже высохли. Можешь начинать переносить легкие вещи и вешать полки. Я вечером займусь шкафом и кроватью, – сказал я просто потому что надо было что-то сказать перед уходом.

– Хорошо, я все равно, скорее всего, буду дома.

На лестничной площадке, разумеется, снова вывинтили лампочку. А на стенах подъезда, конечно, появилась новая порция надписей. Эминем, вероятно, был бы весьма польщен таким вниманием к своей персоне со стороны русских

почитателей.

Во дворе пустынно, для детей в период каникул девять утра – слишком раннее время для прогулок на свежем воздухе, а уж для взрослых, не занятых на производстве, тем более. Разве что традиционная пара пенсионерок из второго подъезда возобновила каждодневное плодотворное общение, сидя на своей любимой скамейке в глубине двора.

Через арку выбираюсь на проспект, тут же окунаясь в шум городского транспорта.

– Андрей! – слышу позади голос Оли и оглядываюсь.

Хм, странно. Открыла окно и высунулась чуть ли не по пояс. Что-то не так в ее внешнем виде, или мне только кажется? Нам ведь очень нечасто доводится общаться вот так, через окно. Медлит в ответ на мое вопросительное выражение лица. Давай быстрее, мне через полчаса надо быть на работе.

– Нет, ничего, – наконец, говорит она. – Хлеба и сметаны купи.

Смотрит на меня еще пару секунд и исчезает в окне.

Глупость какая. Хлеб и сметана. Не могла обратиться ко мне с этой пикантной просьбой, воспользовавшись услугами мобильной связи.

Иду к остановке. Навстречу бойко вышагивает пацан лет шести рядом со своей мамой, за спиной у мальчишки огромных размеров ранец. Скорее, рюкзак толщиной со своего хозяина. Разнашивает перед новым учебным годом. Наверное,

новое поколение наших детей должно вырасти в поколение культуристов, раз им с раннего детства доверяют переносить на себе такой груз знаний. Еще совсем недавно Сашка таскал почти такой же. Завтра приедет и примерит на себя очередную порцию платной учебной литературы. Скорее бы приехал.

Девушка с броской внешностью останавливается прямо посреди тротуара неподалеку от остановки, достает косметичку и вынимает из нее губную помаду. Явно лучшего места не могла най...

Секундочку. В лице Оли, когда она выглядывала из окна, действительно что-то изменилось. На лице, вернее. У нее были накрашены губы. Причем ярко, как же я не обратил на это внимания? Но почему? У нее выходной, она собиралась остаться дома. «Хлеба и сметаны купи». Ведь если бы собиралась подышать воздухом, то купила бы сама?

Внезапная догадка замедляет мой шаг, а затем я и вовсе останавливаюсь.

Нет. Что за бредовые мысли, с какой стати? Но кто-то внутри меня повторяет и повторяет эту фразу раз за разом. «Она ожидает любовника». Пошлятина. Оля? Моя жена, которую я знаю почти 14 лет?

Но отчего я так нервничаю? Отчего такой сумбур в голове? Не оттого ли, что я все же допускаю эту мысль? Ведь она уже хозяйничает в моем мозгу, выискивая подтверждения собственной правоты.

За все время нашего знакомства я ни разу не заподозрил ее в измене. И вдруг такая догадка является ко мне вот так, из ниоткуда. И моментально делает из меня круглого дурака – доверчивого, самоуверенного, жалкого. А я почти не сопротивляюсь. Может быть, оттого что нахожусь в состоянии легкого шока. А может быть, оттого что все мои чувства к собственной жене слишком сильно притупились. Все, кроме внезапно объявившейся ревности. Черной и ошеломляющей.

Почему, собственно, ей было не завести себе любовника? Разве я не предоставил ей все условия? Работа допоздна в будние дни, выезды на дачу в выходные. Сашка у бабушки уже почти месяц. Море свободного времени. И море нерас траченной любви, а? Полная потеря контакта с мужем. Можно и из дома не выходить, и даже губы накрасить, все равно этот придурок ничего не заметит, правда?

Разворачиваюсь. Передо мной та самая девушка с губной помадой, которую она прячет обратно в сумочку. Загадочная улыбка и трепетное нетерпение на лице. И вот ее ожидания оправдываются. Откуда-то из-за моей спины выныривает высокий стройный парень, подкрадывается к девушке сзади и обвиняет загорелыми сильными руками ее тонкую талию. Радостный смех в два голоса. Она поворачивается к нему, заглядывает в глаза и обнимает за шею. Долгий горячий поцелуй. Страстный, неистовый, юношеский. Да уж, ра-

ди этого, конечно, стоило красить губы.

Обхожу эту влюбленную парочку. Походка старика. Иду по направлению к дому. Стараюсь не смотреть людям в глаза. Все улыбаются чудному августовскому солнцу, но уж точно никого не порадует мое перекошенное лицо и пылающие нехорошим огнем глаза.

Снова останавливаюсь. Не имею представления, что должен делать. Идти домой бесполезно – слишком рано, она разумна и расчетлива, ни за что не позовет его, пока не будет уверена, что я далеко. Да и зачем мне там быть? Убедиться? Устроить сцену в лучших традициях немого кино?

Не знаю.

Пока мне лучше уйти подальше от этого дома, так будет лучше. Просто на всякий случай.

Снова иду к остановке и опять сталкиваюсь с той же парой. Хорошо, что им, похоже, нет никакого дела ни до кого, кроме них, на всем свете. Иначе они могли бы заподозрить меня в каких-то недобрых замыслах.

Уехать. Куда-нибудь подальше от этого проспекта, этого дома с центральной аркой, от этих двух счастливых молодых сердец.

Сажусь в первый подъехавший к остановке автобус, даже не взглянув на его номер. Перед тем, как двери захлопываются, успеваю заметить, что парочка осталась стоять рядом с остановкой, поглощенная друг другом. Их ожидает прекрасный день, а может быть, и год. А может быть, и несколько лет

безоблачной жизни, до тех пор, пока один из них не поймет всю глупость разделения своей жизни надвое и не найдет себе кого-то получше нынешней чудесной во всех отношениях половинки.

В автобусе людно и душно. Такое чувство, будто все пассажиры вокруг смотрят на меня. Несколько минут не могу собраться с мыслями, словно моя голова ждала удобного момента, чтобы отказать мне в способности думать, анализировать и находить решения. Перед глазами лицо Оли – чужое, бесстрастное. Злоба на нее постепенно сменяется ужасом, чувством полного одиночества и беспомощности, вызываемым этим образом. Никогда бы не подумал, что способен ощущать это так остро. Я никогда не был достаточно дальновидным, способным оглянуться по сторонам и заметить угрозу. Увидеть, что обстоятельства складываются не в мою пользу. Поэтому я никогда не бываю готовым к встрече с неприятностями. Но именно теперь я должен совладать с ними, найти выход – и именно сейчас, когда я меньше всего готов к этому, мое решение является очень важным.

– Следующая остановка – улица Орлова, – произнес мелодичный женский голос из динамика над моей головой.

Горькая усмешка. Очень кстати. Орлова – это, если я не ошибаюсь, фамилия ее мамы. Да, точно. Оля еще шутила, что при желании могла бы выступать на сцене, замещая солистку какой-то из девичьих поп-групп. Могла бы. Красотой не обделена, говорила, что пошла в отца, которого не ста-

ло, когда ей было десять. Впрочем, и до этого мама воспитывала ее практически в одиночку, – отец покинул семью в раннем Олином детстве. Вера Аркадьевна. Маленькая энергичная женщина со строгим лицом и постоянно забранными в узел темными с проседью волосами. Мудрая и деловая, с прекрасным чувством юмора. При этом редко улыбающаяся. Мне запомнилась единственная из ее улыбок – в ЗАГСе, когда она с моими родителями подошла нас поздравить. «Совет да любовь», – проговорила она негромко, но четко. И вдруг улыбка озарила ее лицо, сделала его значительно моложе и одухотвореннее, тут же вызвала ответную улыбку и у нас с Олей.

Совет да любовь. Да-да, вот именно. То самое немного, что нам было нужно. То самое главное, что сейчас нужно мне. И чего не достать, не получить, не купить ни за какие деньги. Вера Аркадьевна могла бы помочь, но уже семь лет, как ее нет с нами.

Двери распахиваются, и я выхожу из автобуса. Трудно быть среди людей. Тесно рядом с чужими проблемами, еще теснее рядом с чужими радостями. Все счастливы или несчастливы сегодняшним днем и живут ради того, что случится вот-вот. Надеются, что случится. Я не чувствую приближения чуда. Собственно, не чувствовал я этого и вчера, но сегодня у меня нет и того, что было накануне.

Вынимаю мобильник, набираю домашний номер. Может

быть, ее голос прояснит мои дальнейшие действия или хотя бы что-то в моем состоянии? Длинный гудок. Еще один.

– Алло, – послышался в трубке Олин голос. – Алло, говорите.

Сброс. Ничего хорошего не могу тебе сказать, дорогая.

Голос как голос. Спокойный, уверенный. Будто ничего и не произошло. Впрочем, его можно принять и за равнодушный, и за самоуверенный. А то, что она не звонит сама и не интересуется моим местонахождением, тоже нельзя считать ни минусом, ни плюсом. Какая, к черту, разница – на работе я или болтаюсь по улицам? Может быть, рядом с ней уже кто-то, кто имеет для нее большее значение, чем я?

Интересно, кто это может быть. Я почти не знаю ее знакомых по работе. Да и почему, собственно, это обязательно должен быть сослуживец? В наше-то время, когда столько возможностей найти себе нового друга.

«Через три дня у Лехи день рождения» – последовал вдруг удар из закоулков памяти.

Пораженный, останавливаюсь, не веря самому себе.

Совсем с ума сошел? Я знаю Леху даже дольше, чем Ольгу. Лучше друга нет в природе! Преданнее, добрее, чем он.

Так ли? А что позволяет тебе сделать такой вывод? То, что он живет такой же пустой жизнью? То, что ему, как и тебе, нужны события, новые ощущения? То, что он видит, во что превращается Оля рядом с тобой? В таком случае, разве избавление красивой женщины от безразличия мужа

не есть проявление доброты к ней? В конце концов, разве он не обыкновенный homo sapiens, подверженный страстям и ошибкам, о которых будет сам же впоследствии горько сожалеть?

Как глупо все. Как безнадежно испорчено, если любое, даже самое лучшее, что есть на этом свете, имеет свою тень. Свое скрытое толкование, рождаемое утомленным сознанием в такие минуты, которые переживаю я. Как жить с этим и что изменить в себе, чтобы обрести то, что рассыпается на моих глазах?

Слишком много вопросов, слишком мало ответов. А времени на рассуждения и того меньше.

Ноги несут меня с улицы на улицу, из переулка в переулок, из парка в парк. Со стороны я – обычный человек, решивший проветриться в славный летний денек. Почему нет? Ведь ребенок возвращается только завтра, а жена занята дома своими делами. Конечно, сейчас я должен быть на работе, но вот этого по мне уж точно не видно. Интересно, уже позвонили домой? Вряд ли, голос у Оли совершенно спокойный, да и мобильник не спешит принимать новые звонки. Думают, задерживается парень, никак от отпуска не отойдет. Посмеиваются, наверное. Может, и мне посмеяться? Говорят, помогает. Не страшно, что ничего забавного вокруг. Не страшно, что внутрь себя даже заглядывать больше не хочется. Находят же наши сатирики и юмористы, к примеру, поводы для того, чтобы как минимум раз в неделю смешить

своих зрителей? Впрочем, все телевидение в последнее время «отличается вечерней жизнерадостностью», как говорит Леха. Да и сам он, друг закадычный, всегда считался оптимистом, душой их компании. Может, и мне, если повернуть головой, удастся найти что-то смехотворное? Вот хотя бы то строение на углу, закрытое на бессрочный ремонт? Ему ведь ни дать, ни взять, лет пятьдесят стукнуло.

Булочная.

Резко поворачиваю голову налево. Указатель стоит там же, и хотя место деревянной дощечки занимает металлическая пластина, текст, который значится на ней, остался неизменным. «Улица Георгиевская».

Тоже мне, улица. Всего лишь несколько потрепанных временем пятиэтажек, дорогу к которым открывает эта самая булочная, которая больше таковой не является.

Но было время, когда эта улочка считалась для меня едва ли не центральной во всем городе. Здесь я проводил большую часть своего свободного времени. А первый дом на этой улице определил многое в моей дальнейшей судьбе.

В нем со своей мамой жила Оля, когда мы с ней познакомились. Два их угловых окна и балкон на втором этаже одними из первых на всей улице встречали лучи солнца нового дня. Именно это было первым, что пришло мне в голову перед тем, как я увидел ее, свою будущую жену.

Было великолепное майское утро, когда я в самый первый раз оказался на этой улице. Собственно, не только на

улице, но и в самом городе. Ведь именно в тот день поезд точно по расписанию доставил меня сюда, за несколько сотен километров от родителей и друзей. Доставил совершенно одного с небольшим чемоданчиком вещей на первое время. Мой путь в тот утренний час пролегал к общежитию, где мне предстояло прожить еще несколько лет до тех пор, пока мы с Ольгой не поженились и не совершили во многом благодаря Вере Аркадьевне шикарный обмен с доплатой, позволивший нам переехать в нашу нынешнюю квартиру.

Такое развитие событий могло показаться смешным и наивным тогда, в то самое утро, когда я увидел Олю в первый раз. Она стояла на балконе и смотрела на рассвет. Весеннее солнце уже показалось из-за горизонта и медленно, метр за метром окрашивало в нежный золотистый цвет этот еще только что казавшийся мрачным и неприветливым дом. Все внимание Оли было приковано к бледно-розовому небу вдалеке, а мечтательное выражение ее лица говорило о том, что и сама она в тот момент находилась где-то очень далеко от своего балкона, от дома, улицы, города... Далеко от меня, случайного прохожего, замороженного этой немой сценой. Наше будущее могло сложиться совершенно по-другому, если бы тот гипнотический рассвет не отпустил ее от себя всего лишь на минуту. Она оторвала взгляд от неба и заметила меня как раз тогда, когда я проходил мимо ее окон. Что-то в моем лице заставило ее улыбнуться. Наверное, тот момент решил все.

– Чудесное утро, правда? – сказала она мне.

– И этим оно очень похоже на вас, – неожиданно быстро нашелся я с ответом.

Ее улыбка стала чуть шире, она снова посмотрела в сторону горизонта. И тут из комнаты раздался женский голос:

– Оля, тебя к телефону.

Так от Веры Аркадьевны я впервые узнал имя этой пленившей меня своей красотой девушки с длинными темно-русыми волосами и светлыми, цвета того памятного майского утра, глазами.

Оля вела обычную жизнь прилежной студентки. Утро и день она проводила в институте, где была на хорошем счету, так как не прогуливала (до знакомства со мной) ни единой пары и отлично училась. Вечером она иногда уходила гулять с подругами, но чаще была дома наедине с конспектами, телевизором и кошкой Мартой. Но обо всем этом я узнал позже, когда мы уже были знакомы. А познакомила нас та самая булочная, куда и Оля, и я часто забегали за продуктами. Както раз мы оказались там одновременно, а я, кроме того, оказался там еще и своевременно. Уже у кассы выяснилось, что у Оли не набирается нужной суммы на покупки. Конечно, я оказался рядом, и конечно, не мог не воспользоваться таким подарком судьбы. Правда, из-за этого происшествия Леха Скворцов – в ту пору он уже был моим соседом по комнате – не получил обещанной бутылки кефира, но то были пустяки. Добрый Леха простил мне ту мою внезапную «забыв-

чивость», как и длительное отсутствие, – я провожал Олю, а затем мы с ней долго разговаривали, стоя у ее подъезда.

О, этот подъезд. Ведь впервые мы с Олей целовались именно там. Спасаясь от проливного летнего дождя, мы вбежали туда, смеясь, уже мокрые до нитки. На ней было ее любимое сиреневое платье, поверх которого был наброшен мой светлый пиджак. Ее влажные волосы прилипли к раскрасневшимся от бега щекам. Оля тяжело дышала, продолжая смеяться. В тот момент она показалась мне невероятно, головокружительно красивой. Мои руки сами обвили ее, а губы впились в ее губы, оказавшиеся теплыми, мягкими и чуть сладковатыми. Она не сопротивлялась, поцелуй был долгим и удивительно нежным. Наконец, она чуть отстранилась и заглянула в мои глаза. Я успел заметить игривые огоньки в ее взгляде. Наверное, в тот момент ей, как и мне, хотелось поскорее сбросить с себя стеснявшую движения и чувства мокрую от дождя одежду. Но дома ее уже дождалась строгая мама, и Оля, немного помедлив, сняла с себя мой пиджак и протянула его мне.

– Мне нужно идти, – сказала она тихим, слегка подрагивающим голосом. – Беги домой, не хочу, чтобы ты простудился.

Напоследок она нежно прикоснулась ладонью к моей влажной щеке. В следующую секунду я уже видел ее поднимающейся вверх по лестнице. Ее тепло и ни с чем не сравнимое чувство счастья, которое она мне подарила, оставалось

со мной и позволило мне каким-то чудом не простудиться в тот день, несмотря на то что я еще долго блуждал под дождем с рассеянной улыбкой на лице.

Да, этот подъезд видел мое счастье. Он был едва ли не единственным свидетелем самого главного из того, что между нами происходило. И знакомство с Верой Аркадьевной, которая однажды чуть не столкнулась с нами, когда я в очередной раз провожал Олю. И мои лучащиеся радостью глаза, когда Оля, наконец, согласилась стать моей женой. И свадебный кортеж, увозивший со мной ее, ослепительную в своем белом свадебном наряде. И еще столько историй и разговоров, в которые мы, сами того не подозревая, посвятили его, нашего единственного молчаливого свидетеля.

Впрочем, нет, не единственного. Был еще один герой, чье значение осталось незамеченным Олей, но оказавшееся важным для меня.

Оборачиваюсь, опасаясь не увидеть его на прежнем месте.

Нет, конечно, он здесь. Красавец-клен, своими ветвями уходящий высоко-высоко в небо. Приветливо помахивает мне своей листвой. Узнал меня.

Осматриваюсь по сторонам. Мне повезло, вокруг ни души. Усмехаюсь сам себе, затем подхожу к клену, обхватываю ствол дерева руками. Подтягиваюсь на первой ветке и начинаю карабкаться вверх. Надеюсь, меня действительно никто не видит.

Старина клен услужливо подставляет мне свои ветки, словно приглашая меня забраться еще выше. Но я останавливаюсь на уровне второго этажа и осторожно поворачиваюсь. Вот они, эти два окна, прямо напротив меня, метрах в пятнадцати. В точности, как в тот вечер, в тот единственный раз, когда я вот так же, как непоседливый юнец, вскарабкался на это дерево, чтобы увидеть свою мечту еще раз. Увы, тогда я так ее и не высмотрел, хотя просидел на этих ветках больше двух часов. Наверное, она готовилась к какому-нибудь зачету, – дело было в конце мая. Но тогда я не думал об этом. В тихо опускавшихся сумерках я не сводил глаз с ее окна, следил за огоньком ее настольной лампы и ожидал увидеть хотя бы Олину тень. И спустился с дерева только тогда, когда свет в ее окне погас до следующего утра. Но перед этим...

Где-то здесь, на одной из веток напротив ее окна. Вот. Чувствую, как начинает учащенно биться сердце.

Надпись, нацарапанная перочинным ножиком, оказавшимся в тот вечер со мной. Результат двух часов мыслей и ожиданий. Читаю раз за разом.

«Оля» – первая строчка

«Будь со мной» – вторая.

Конечно, нелепо. Да, по-детски. Безусловно, смешно.

Но отчего так хорошо? Отчего так волнительно смотреть на эти глупые юношеские строки? Отчего мне, тридцатисемилетнему дядьке, так хочется поставить жирный восклица-

тельный знак в конце? Нацарапать его нечем, откуда у меня может взяться перочинный ножик. Но это и не важно. Восклицательный знак уже стоит. Он во мне. Кто-то неожиданно поставил его, как в разлинованную тетрадь отвлекшегося школьника.

Надо спускаться.

Уже спрыгивая с последней ветки, замечаю мальчишку с маленькой собачкой. Они оба шарахаются в сторону, видя запыхавшегося мужчину с глупой улыбкой на лице. Мальчик застывает в недоумении, собака несмело тявкает в мою сторону.

– Привет. Не бойтесь, я местный волшебник-каскадер, – отрекомендовываюсь, отряхивая рукав.

Парнишка растерянно улыбается, пес крутится вокруг его ног, подозрительно поглядывая на меня.

– Как тебя зовут? – спрашиваю.

– Андрей, – гордо отвечает мальчишка, продолжая улыбаться.

– Так вот, дорогой тезка, – говорю я ему. – Не лазай по деревьям, пока не встретишь девушку своей мечты. Ладно?

Улыбчивый тезка пожимает плечами, затем неуверенно кивает. Забавный дядя повстречался ему с утра пораньше.

– Ну и молодец, – как ни в чем не бывало, бросаю я. – А теперь, мне пора домой, если ты не против.

Мальчик снова кивает, собачка издает прощальное «Тяв», и я ухожу. Через несколько метров оборачиваюсь и вижу,

что мальчишка еще стоит на том же месте и с любопытством смотрит мне вслед.

Захожу во двор с другой стороны. Конечно, так длиннее, и приходится пересекать всю детскую площадку, чтобы добраться до нашего подъезда. Но зато полностью исключается вероятность быть увиденным из окна собственной квартиры.

Две пенсионерки обрывают свой диалог на полуслове, увидев меня. Кивают в ответ на мое приветствие и провожают удивленным взглядом. Конечно, непривычно видеть соседа в столь ранний час с шикарным букетом красных роз в руках. Сейчас начнут увлеченно перебирать даты, находя разумное объяснение моим цветам в будний день. Смешные.

Подъезд, лестница. Салют, Эминем. Надо не забыть вкрутить лампочку.

Звонок. Раз, два, три.

Неторопливые шаги за дверью.

Тень напротив дверного глазка.

Щелчок замка.

Оля. Спокойствие на ее лице сменяется озадаченной улыбкой при виде меня. Удивление становится еще более отчетливым – она замечает букет. Испытующе смотрит мне прямо в глаза. Ее улыбка становится нежной и искренней.

Да, губы действительно накрашены. Вишневая помада, которую я подарил ей на прошлый День рождения. Она хотела привлечь мое внимание к себе. Но еще час назад я не

мог понять этого. Теперь я это вижу так же четко, как и искорку надежды в ее глазах.

Протягиваю ей розы. Она берет их, не сводя с меня глаз.

Мои освободившиеся руки тут же прижимают ее к себе.

– Оля, – говорю я тихо, и через паузу мои губы сами добавляют: – Будь со мной.

Она не отвечает. Лишь ее руки еще крепче обхватывают мою спину.

Январь 2005

Темно и холодно

11 декабря.

Никогда не вел дневник. Больше того, никогда бы не подумал, что смогу этим заниматься. Но случилось так, что я оказался в ситуации, когда выговориться просто некому, а держать в себе все то, что произошло, нет никаких сил. А силы, между прочим, мне еще понадобятся. Не для того, чтобы жить дальше и строить свое светлое будущее. Для того, чтобы разобраться с одним оставшимся делом. Покончить с ним, а затем и со всей этой проклятой и уже никому не нужной жизнью. Надеюсь, ума и здоровья у меня для этого хватит. А самое главное, отступить больше некуда, прятаться не за кем, цепляться не за что.

Я надеюсь, что эти «записки полусумасшедшего», которые я затеял, помогут мне разобраться в случившемся и в самом себе. Может быть, какие-то факты, о которых я вспомню и упомяну здесь, отложатся у меня в памяти и приведут к тому человеку (хотя для меня он уже таковым не является), поиски которого я начинаю. И найду, чего бы мне это ни стоило.

А может быть, уже после того, как эта история закончится, кто-то случайно найдет этот купленный мною 20 минут назад блокнот и прочтет все то, что я напишу в нем. Что ж, если такому на самом деле суждено случиться, то приветствую

тебя, незнакомец. Не знаю твоего имени, но ты – первый мой читатель. Возможно, и последний, если сочтешь мои записки сугубо личными и уничтожишь их. Скажу тебе честно – мне все равно, что ты с ними сделаешь. Просто это последнее, что останется от меня. Я не так много хорошего сделал для этого мира, и то, что я хочу сделать, тоже не из разряда «добрых дел», но пойми, старик, я не мог поступить по-другому. Меня лишили моей собственной жизни, точнее, лишили ее дальнейшего смысла. В общем, не вижу разницы, второе означает первое.

Ну да ладно, хватит слез и причитаний. Тебе, да и мне, наверное, неплохо было бы понять, в чем, собственно, дело. Наверное, для начала стоит представиться. Я – Дементьев Геннадий Петрович, мне 54 года. Видимо, возраст этот окончательный – что ж, не так уж мало и пожил.

Несколько дней назад не стало моей жены. Ее звали Настей. Теперь мне кажется, что это имя – самое замечательное на свете.

Она умерла. Выбросилась с балкона. Самоубийство. Так считает милиция. Так говорят их врачи. Как их там, судмедэксперты, патологоанатомы... Не имеет значения, кто они. Официального расследования не будет. Милиция умыла руки. С глаз долой. И так дел хватает. Никто не усомнился, доказательств для возбуждения дела не нашли.

А я не верю их заключениям.

Настю убили. Я уверен. У меня тоже нет доказательств, но

они появятся. Я лучше кого бы то ни было знаю свою жену. Знал. Да, нам было нелегко – несколько лет тому назад мы похоронили единственного сына, после чего я сильно пил, потерял работу. Но все же мы выдержали, смогли вернуть нашу жизнь обратно на рельсы. Потому что мы держались друг за друга – в этом был единственный выход. Конечно, эта жизнь уже не могла сравниться с той, которая была, пока был жив Женька. И все же она еще теплилась, мы существовали друг для друга. Настя знала это и понимала, чем станет ее гибель для меня. Она не ушла бы вот так, среди бела дня. Тот, кто попытался обставить происшедшее как самоубийство, просчитался. Не нужно никаких экспертиз. Мне это понятно, вот и все.

Настя была моей жизнью. Я понял это, когда ее не стало. Я мог не говорить ей об этом месяцами, годами. Я мог вести себя, как последний скот с ней. Я часто был несправедлив, я был глуп, ревнив. Но после того, как мы потеряли Женьку, она стала главным смыслом моей жизни. Единственным действующим лицом. Единственным родным лицом. Не представляешь, старик, как больно мне писать об этом и знать, что я не смогу уже ей об этом сказать. Теперь, когда у меня нет ее, мне незачем и продолжать. Осталось последнее – собрать остаток сил и найти его. Найти виновника двух смертей – ее и моей.

12 декабря.

Живу у двоюродного брата. Сам он взял отпуск и уехал в деревню, там дом у него. Золотой человек, понял меня без слов. Меня не надо успокаивать, не надо опекать. Меня нельзя понять до конца, мне уже ничем не помочь, меня больше нечем утешить. Я дошел до черты. Оставьте меня в покое – я знаю, что надо делать. Только бы воли немного, чтобы продержаться.

Тяжело. Наверное, хорошо, что я стал записывать свои ощущения, это помогает освободиться хотя бы от небольшой части той боли, которая скопилась во мне. Хочется напиться – уйти в беспробудный, окончательный запой. Забыть все. Когда я был молодым, казалось, что я могу выдержать что угодно. Так всегда кажется до тех пор, пока настоящая беда не приходит в дом. Нельзя забыть. Нельзя скрыться. Сдерживаю себя и стараюсь сосредоточиться на том, что мне предстоит сделать. Если отказаться от воспоминаний, то думать больше и не о чем. Так даже легче.

Настю обнаружили прохожие в 11.10. Ни одного свидетеля ее смерти не нашли. Соседей по лестничной клетке не было дома. Это был будний день, большинство людей – на работе, а детей – в школах. Было холодно для прогулок с целью «подышать свежим воздухом» и сидений на скамейке у подъезда. Наш балкон выходит на безлюдную улицу. Ее крика, если он и был, никто не услышал. Просто тело в домашнем халате. Просто лужа крови на снегу. Просто секунды по-

лета с балкона пятого этажа. И ни одного свидетеля трагедии, вычеркнувшей моего главного человека из этого мира.

Читаю и не верю ни единому слову. Вся эта геометрическая или как там ее простота не укладывается у меня в голове. И, тем не менее, именно так, со слов представителей органов правопорядка, обстоит дело. «Классическое самоубийство» – было брошено мне в лицо. Следующий. Хотелось дать в морду этому господину в форме, просто так – проявить «классическую негативную реакцию» на бюрократию и высокомерие. Стерпел. Наверное, привык терпеть. Один так один. Сам так сам.

Вопросы. Их много. Что она делала дома в такое время? Отпустили с работы, говорят, плохо себя почувствовала. Да, это возможно. У Насти было слабое сердце. Женщина потеряла сына, это не могло не сказаться на ее здоровье. Два раза на моей памяти ей становилось плохо, вызывали неотложку. На работе с ней такого не происходило, но кто знает, все могло случиться. Ее отпустили домой без десяти 11. До дома минут семь ходьбы, значит около 11 утра она была дома. Десять минут... Что происходило? И происходило ли? Почему не сообщила мне, Настя? Она редко звонила мне на работу. Только если забывала купить что-то. Или договориться о поездке на кладбище – к Женьке. Не хотела волновать? Да, это похоже на нее. Не хотела неприятностей у меня на работе – я мог бы наломать дров, если бы меня не захотели отпустить к

ней. Наверное, она была более сильной, более мужественной, более выдержанной, чем я. Поэтому старалась справляться со своими проблемами сама, без необходимости не вмешивая меня – более эмоционального и вспыльчивого.

Накануне вечером все было нормально. Я пришел домой около 19.30 – как обычно по средам, после института у меня был урок в школе. Технический труд, не нужный ни детям, ни руководству школы. Равно как и производственное обучение, которым я занимаюсь в институте, каждый раз беспокоясь за ребят, которых приходится заставлять работать на затертых временем и «умелыми руками» станках.

Настя готовила ужин. Курица в духовке, картошка на сковороде – как обычно, к моему приходу почти все было готово.

Малозначащие фразы. «Как дела? – Все нормально». Будними вечерами ни ей, ни мне не хотелось затевать долгие разговоры. Она не выглядела ни расстроенной, ни растерянной. Обычное чуть усталое лицо без улыбки. Завершение рядового трудового дня. После еды она отправилась в большую комнату смотреть сериал, я помыл посуду, потом решил, наконец, починить текший кран – как раз захватил с работы кусок резины для прокладки...

Стоп.

Слезы. Точно, я видел слезы в ее глазах, когда шел за инструментами. Но не придавал им значения. Решил, что это реакция на «мексиканские страдания», со многими женщина-

ми такое случается, на том эти сериалы и стоят. У моей Насти тоже бывали приступы сентиментальности, поэтому я не стал допытываться.

А теперь? В чем была причина этих слез? Видела ли она, что происходит на экране? Или думала в тот момент совсем о другом? Может быть, о том, что через несколько часов стало причиной ее гибели? У меня снова нет ответа. Да, этот эпизод мог бы быть моментом истины, если бы я спросил. Она могла бы рассказать мне что-то новое из того, что с ней происходило.

Но могла бы и не рассказать. Могло и не быть ничего. Всего лишь тень прожитых лет, пережитых бед на фоне южноамериканских красот.

Когда мы ложились спать, все снова было в порядке. Бигуди, крем для лица, ночная рубашка, книга Маргарет Митчелл, «Я гашу свет. Спокойной ночи»... Тот же спокойный голос, ясные синие глаза, легкая улыбка во время чтения... Все это повторялось в точности почти каждый вечер. И всего этого больше никогда не будет... Как не будет и утра следующего дня. Аккуратной челки, делового костюма, серьезно-го, но доброго лица, прощания до вечера... И глаз, которые смотрят тепло и уверенно... Но видят меня в последний раз.

Пожалуй, хватит на сегодня. Уже мои собственные слезы текут по щекам, и мне приходится делать большие паузы перед тем, как написать еще что-то.

13 декабря.

Подолгу стою перед окном и смотрю на улицу. Но не вижу почти ничего из того, что происходит снаружи. Кружащийся снег, грохочущие машины, спешащие куда-то люди... Всего этого больше нет, не существует для меня. Темно и холодно. Вот все, что я чувствую, вне зависимости от того, где нахожусь – здесь или там, в толпе или в этой прокуренной комнате.

Еще один день клонится к вечеру. А я ничуть не ближе к разгадке твоей смерти, Настя. Значит, будет еще один день... потом еще и еще. Наверное, я заслужил это. Годы, проведенные рядом с тобой, не сделали меня внимательным, чутким, понимающим. Не помогли предотвратить нелепую смерть Женьки, а теперь и необъяснимую потерю тебя.

Сегодня встречался с твоей подругой. Я считал, что это твоя лучшая подруга – вы часто общались по телефону, она приходила к тебе в гости. Неужели, она и вправду была самой близкой тебе? Лена Марченко, невысокая брюнетка лет сорока пяти? Мокрая курица с бессмысленно хлопающими глазками со скрипучим тоненьким голоском, которая полчаса вздыхала и несла какую-то чушь о нелегкой женской доле? Сочувственные всхлипывания и испуганный взгляд из-под очков? Она считает виновником меня, хоть и не говорит об этом. Что она может знать о тебе, если ее мысли не могут двинуться дальше образа мужа-варвара и жены-жерт-

вы? Воспитанница женских книг про любовь, телесериалов, ток-шоу для женщин... Неужели тебе было интересно с этой «божьей коровой», которая не видит дальше собственного носа? И на встречу с ней я возлагал столько надежд. Увы, дома ее ждал обед, стирка, уборка и очередная серия какого-нибудь шедевра по одному из каналов – которая произведет на нее неизгладимое впечатление, поделиться коим она найдет с кем и без тебя. Через полчаса она поспешила унести ноги. И хорошо. Под конец я с трудом сдерживался, чтобы не наорать на нее. Мне жаль своих иллюзий, я надеялся найти в ней мыслящего человека, хотя бы примерно такого, каким была ты. Надежд было немного, но я был бы рад любой здоровой мысли, хоть какому-то объяснению. Черт побери, неужели среди твоих знакомых тоже не было ни одного человеческого лица? Ни одного друга, который мог бы мне помочь разобраться в том, что произошло.

14 декабря.

Вчера вечером, когда я задремал в кресле, раздался телефонный звонок. Спросонья я даже не вспомнил о том, что живу в чужой квартире и что звонят скорее всего не мне. Поэтому особо не удивился тому, что звонивший сразу узнал меня и назвал по имени. Все это было словно продолжением сна. Уже после того, как я положил трубку, этот звонок показался мне странным – с какой стати, да еще так поздно? Хотя сейчас, когда уже наступило утро, я понимаю, что в этом

звонке не было ничего необычного. Просто поздним вечером в чужой пустой квартире все кажется каким-то неестественным.

Это звонил Киселев, договорились с ним о встрече сегодня в 15 часов в кафе «Джулия».

Начальник Настиного отдела. Она работала бухгалтером в банке на протяжении нескольких лет, а руководитель ее подразделения сменился около года тому назад. Настя еще, помнится, смеялась, рассказывая об этом новом своем «наставнике». Настя смеялась... Да, такое бывало, хоть и редко. Заразительный такой смех, сердечный. Видимо, это парень на самом деле казался ей забавным, хотя в дальнейшем речь о нем заходила редко.

Встретиться с ним довелось на Настиных похоронах. Собственно, в организации похорон во многом помог именно банк, представлял который как раз Киселев. Не понравился мне. Скользкий, суетливый карьерист средних лет с барскими замашками. Избалованный властью чиновник. Таких немало, посмотрелся я на них. Убогий. Понятно, почему его назначение так рассмешило Настю. Никакого желания встречаться с ним у меня никогда бы не возникло. Но вот как все обернулось, теперь эта встреча нужна мне, если я хочу докопаться до истины. Хотя сомневаюсь, что разговор с Киселевым сильно поможет мне – это ж наверняка сама осторожность в высказываниях и действиях. Ему и самому встреча со мной не особо нужна – так, для галочки... Забо-

та о сотрудниках... «Как вы? Не надо ли чем помочь?» – вкрадчивым, насквозь фальшивым голосом. Я предпочел бы поговорить с Настиными коллегами по отделу. Может быть, удастся даже сегодня? Хотелось бы. Хотелось бы, чтобы вечером я смог записать сюда что-то стоящее, что-то важное, что-то проясняющее...

15 декабря.

Сорвался.

Я в ужасе.

Неужели сорвался?..

Снова похмелье. Как давно я не прикасался к бутылке.

Полузабытое мерзкое состояние. Зачем?

Пустота... Мрак, холод. Неужели я все же не смогу?..

Ничего не соображаю.

Надо вспомнить, что было вчера.

Киселев. Да. Встретились, как условились. Пустой разговор, как я и предполагал. Сияющая лысина, бегающие глазки, потная узкая ладонь. Это не друг, этот не поможет. Его услужливая улыбка вызывает желание отвернуться. Его сочувствие еще хуже того, что городила Лена Марченко. Почти смешно было наблюдать, как он нахмурился, когда я спросил его, во сколько в тот день ушла с работы Настя и провожал ли ее кто-то. Бездарно изобразил тяжкое переживание от воспоминания. Потом изрек, что она ушла около одиннадцати

и попросила ее не провожать. А затем начал плести что-то вроде «понимаете, у нас трудности с водителями...» Другого и не ждал от него. Было очень трудно довести женщину до дома хотя бы на своей машине. Ясно, что ему не было и нет до нас с Настей никакого дела.

Дальше... Дальше самое плохое. Этот кретин предложил почтить память Насти, еще до моего прихода заказал бутылку водки. Конечно, откуда ему знать, что я в завязке? Его даже не было на поминках, он исчез сразу после похорон.

Плохо то, что он случайно угадал мое настроение. Я не был готов к такому его поступку, но вместе с тем мне очень хотелось. Очень. Жажнуть хотя бы 50 грамм. Только этим могу объяснить то, что я выпил с этой обезьяной. Только одну стопку, всего одну. Но она подействовала. Дальше все пошло словно без меня. Моих сил хватило только на то, чтобы встать и, быстро распрощавшись, уйти от этого субъекта, который, похоже, удивился тому, что я не выхлестал при нем остатки. Но пить под взглядом этого пустого места в костюме было бы слишком для меня. Я поспешно ушел из этого кафе – настолько быстро, что столкнулся с официантом. Вот, даже след на рукаве остался – вляпался в какую-то еду, которую нес этот неповоротливый парень...

Да, я поспешно ушел... Чтобы, пройдя полквартала, купить в ларьке еще поллитра какой-то дряни местного производства. Как говорят спортсмены, «поехала опорная нога»...

Что дальше. Я уже плохо соображал, потому что, прикон-

чив бутылку, я направился в банк – видимо, хотел-таки поговорить с Настинными сотрудницами. Охрану миновать, конечно, не удалось. Скандалил? Наверное. Надеюсь, Киселеву об этом не донесли. Я сказал, к кому иду? Не помню... Дальше все урывками. Как оказался дома? «Автопилот»? Хорошо, что банк недалеко и от моего нового жилища. Колено болит. Точно, поскользнулся и упал в подворотне... Похоже, добрался сам.

Плохо, отвратительно. Силы заканчиваются. Терпение на исходе. Сколько боли.

Нужно что-то делать, чем-то заняться. Снова попробовать пробраться в банк, найти еще кого-то, кто может знать. Друзья. Родные. Соседи. Кто? Как мало настоящих людей нас окружало. И какой толпой они мне казались еще совсем недавно.

Надо сходить к нам домой. Трудно, особенно в моем сегодняшнем состоянии. Но нельзя сидеть в этой квартире – я свихнусь, если постоянно буду находиться здесь. А главное, не сдвинусь ни на миллиметр в своих поисках. Нужен шанс, хоть какая-то зацепка. Попробую. Если понадобится, то вечером пойду туда снова, чтобы встретиться с соседями.

Не сдаваться.

(позже)

«Не сдаваться»... Проще написать, чем сделать.

Заметил, что люди на улицах сторонятся меня, увидев мои глаза. Одна молодая мама, взглянув на меня, тут же взяла своего ребенка за руку с моей стороны и ускорила шаг. Мальчуган даже и не понял, что случилось. Маленький счастливчик просто не видел меня.

С другим прохожим я столкнулся, он заговорился по мобильному и не заметил меня. Напрасно. Я не в настроении для подобных казусов. Высказался. Радости на его круглом глупом лице поубавилось. Спорить со мной он не стал, похоже, решил не связываться. И правильно. Не стоило рисковать здоровьем.

В моих глазах опасный огонек. Волчий. Люди чувствуют это и обходят меня стороной. Видят во мне чужого. Я и есть чужой, во мне больше нет ничего общего с ними.

Слабею. Трудно удерживать эмоции при себе, особенно отрицательные. Все чаще чувствую безвыходность моего положения. Все двери закрыты для меня, все сердца. Попробовал созвониться с двумя Настинными приятельницами. Обе отказались от встречи со мной. Деликатно и по разным причинам, но такое чувство, что просто решили держаться подальше от меня.

О моем походе домой.

Я старался не думать ни о чем, просто прошелся по комнатам, еще раз пошарил в шкафах. Нет, ограбления не было. Ни одного подозрительного предмета. Следов и отпечатков

не нашли.

Соседей по площадке, конечно, не оказалось дома. С другими нашими соседями по подъезду мы не поддерживали никаких отношений, даже не знали почти никого. В наше время этому вряд ли стоит удивляться.

Уже спускаясь, я обратил внимание на наш почтовый ящик. Это натолкнуло меня на мысль. Почту разносят как раз с одиннадцати до двенадцати. Почтальон мог заметить что-то подозрительное. Шанс был хилый, но стоило попробовать. Решил подождать.

Выходя из подъезда, встретил нашего дворника Михалыча. Еще один шанс, который тут же испарился – он в тот день закончил убирать снег у нашего дома гораздо раньше, чем все случилось, и обо всем узнал уже на следующий день. Постояли, покурили. Михалыч и сам когда-то потерял жену, только она умерла в больнице от инсульта. Своей смертью... Спросил у него о почтальоне, и тут Михалыч меня удивил. Оказалось, что почту разносит молодой парень, недавно отмотавший срок. Вот так, какая прелесть. Просто он чей-то родственник, вот его и устроили на первое время после отсидки. Ходит по подъездам бывший уголовник, газетки раскладывает. Заодно и жильцов рассматривает, а? Сложно описать, что со мной произошло, когда он мне об этом рассказал. Вижу я, конечно, не подал, но в желании дождаться его сильно укрепился. Он стал первым моим подозреваемым. Конечно, я не знал о нем ничего, никогда не говорил с

ним, даже не видел никогда. Но в тот момент я словно ошестинился, не мог думать ни о чем другом, не мог представить его в роли нормального «законопослушного» гражданина. Я был уверен, что он имеет отношение к случившемуся.

Подумав, я оставил Михалычу телефон квартиры, где живу – на случай, если меня будут искать, или просто, если он увидит или вспомнит что-то важное, касавшееся того утра. Попрощавшись с ним, я обошел наш дом, остановился у соседнего и стал наблюдать.

Парень с почтой появился минут через двадцать пять. Я взглянул на часы. 11:20. Похоже.

Неторопливой походкой прошествовал он в первый подъезд. Через три минуты вышел и направился в следующий. Обычная рутина? Третий подъезд. Я вышел из засады, когда он зашел к нам. Сердце забилося чаще.

Когда он появляется в дверях, поправляя сумку, я окликаю его.

Парень лет тридцати с суровым выражением лица. Шрам над верхней губой, стального цвета немигающие глаза. Вязаная шапочка до бровей. Да, похож на уголовника. Вопросительно взглянув на меня, тут же лезет в карман. «За ножом» – подумалось мне. Оказывается, за сигаретами. Вытянув одну, протягивает пачку мне. Я мотаю головой и подхожу ближе. Парень смотрит на меня спокойно, ни один мускул не дрогнул на его лице, когда он увидел меня.

Я спрашиваю его, разносил ли он почту в тот день. Он в ответ кивает головой. В это же время? Снова кивок. Видел кого-нибудь, когда разносил почту? Лениво мотает головой и сплевывает. А рядом с подъездом?

«Что вам надо?» – вдруг цедит он хрипло. Закуривает. Он держится нагло, а я этого не люблю.

«На вопрос отвечай», – говорю я ему довольно грубо. Он еще секунду пристально смотрит мне в глаза, затем подтягивает ляжку сумки и молча уходит.

Догоняю. Хватаю его за рукав и разворачиваю лицом к себе. Сплевывает, на этот раз презрительно. Не может быть, чтобы без него обошлось. Кровь стучит в висках.

«Отвечай!» – повторяю я.

Зло сощуривается, бросает сигарету.

«Руку убери», – раздается его хриплый голос.

«Это ведь ты сделал, да?» – неожиданно для себя самого говорю я.

В его глазах ни тени смущения или беспокойства. Я – всего лишь забавное приключение в его смену, которое вдруг перестало быть забавным. Какое-то время он стоит молча, затем отталкивает меня. В бешенстве я бросаюсь на него, но куда мне... Он хватает меня за плечи и прижимает к стене так, что я не могу даже пошевелиться.

«Я вышел», – говорит он негромко, но четко, выделяя каждое слово, – «И не просто вышел, а вышел и завязал. У меня новая жизнь, ты понял? Я никого не видел и ни во что

больше не влезаю. Запомни это и мотай отсюда».

Он долго глядит на меня своими серыми глазами, затем его хватка разжимается.

Я смотрю ему вслед, не двигаясь с места. Не пытаюсь догнать.

Это был не он. Больше того, скорее всего, он действительно ничего не видел. Что-то в его голосе, в его взгляде сказало мне об этом. Когда он говорил свою последнюю фразу, его лицо напомнило мне лицо пациента, у которого врач заподозрил рецидив старой мучительной болезни. Боль. Тоска. Отчаяние. Все это внезапно отразилось на этом еще молодом лице. Проявилось и тут же погасло, как будто парень поспешил спрятать свои истинные чувства. Тюрьма изменила его, научила не задавать вопросов, не соваться в чужие дела. Наложила отпечаток, с которым теперь ему предстояло жить. Он задерживается в доме ровно столько времени, сколько нужно, чтобы разложить почту. Ему нет дела до большинства людей, которые его окружают. Он чувствует себя чужим среди них. Таким же отшельником, каким чувствую себя я. Это роднит нас.

Мне стало как-то по-отечески жаль его, этого почтальона, которого я еще несколько минут назад готов был разорвать. Наверное, я даже почувствовал симпатию к нему. Во всяком случае, его лицо показалось мне самым живым из всех, которые я видел за последние дни. Пусть строит свою «новую

жизнь», он молод, у него еще может получиться.

В 16 часов схожу в банк, попробую еще раз переговорить с Киселевым и встретиться с кем-то из Настиных сотрудниц. Оттуда сразу домой – надеюсь, наконец, застать соседей.

13:20.

Прорыв? От возбуждения дрожат руки.

Неужели мне повезло? Верю и не верю в то, что произошло. Хочу верить.

Несколько минут назад позвонил незнакомец и сказал, что может быть мне полезен. Сказал, что у него есть информация. Сказал, что живет в нашем дворе и видел человека, выходящего из подъезда через несколько минут после случившегося. А днем раньше видел, как этот человек разговаривал с Настей и заметил, что разговор этот был неприятен ей. Сказал, что знает этого человека.

Свидетель. У меня есть свидетель. Неужели.

Мысли разбегаются.

Я предложил ему встретиться. Он согласился, но сказал, что при встрече никто не должен присутствовать, и что милиции он не скажет ни слова. И вообще, настоял на полной анонимности сведений, которые может сообщить мне. Пришлось назначить встречу в этой квартире – это единственное место, где нас точно никто не увидит. Он будет здесь уже через двадцать минут – сослался на то, что позже будет занят.

Я вынужден идти на все его условия. Нет выбора – у него, возможно, есть то, что мне нужно. Можно сказать, что моя жизнь в его руках.

Сказал, что мой телефон узнал у дворника. Сказал, что видел из окна нашу с ним встречу и то, как я передал ему номер. Догадался, что на том листочке был именно телефон.

Молодой голос. Довольно вежливый. Он говорил торопливо, но уверенно. И все, что он говорил, было так похоже на правду. У меня нет ни времени, ни возможности, ни желания проверить его слова.

Я устал. Я хочу верить. Я готов верить. Я рад верить. Мне так хочется, чтобы все это поскорее закончилось. И теперь у меня есть надежда, что так оно и будет.

Уже скоро, Настя.

(пустая страница)

(с чистого листа, другим почерком)

15 минут до поезда. Грязный вокзалишко, три ряда старых пластмассовых кресел обозначают зал ожидания. Сажу в самом углу, кроме меня еще две старухи, один старик с рюкзаком и пара военных. Чтобы не привлекать к себе внимания, открыл блокнот и начал писать. Все-таки занят каким-то делом, не вызываю лишних подозрений.

Пожалуй, теперь им не достать меня. Я уже далековато, а через несколько минут поезд поможет мне убраться еще

дальше. Хорошо, что хватило денег на попутки, чтобы выбраться из города. Перестраховался, взял деньги с собой.

Деньги... копейки по сравнению с тем, сколько могло бы быть... Обидно, что к осторожности мне не достает хотя бы капли ума. Если бы он у меня был, я никогда не ввязался бы в это дело. Оно выглядело плохо для меня с самого его начала, только я упорно не хотел этого замечать. Деньги... Мне нужны были деньги, больше ничего меня не волновало. Неужто я дошел до такого края, что всерьез рассчитывал получить свою долю и преспокойно уехать? После того, как собственноручно отправил на тот свет двух беззащитных людей, виноватых только в том, что не вовремя сунули нос не в свое дело? Видя, чего стоит человеческая жизнь для тех, кто меня нанял, я полагал, что мне милостиво сохранят ее, да еще отстегнут пайку за выполненную грязную работу и отпустят на все четыре? Идиот. И убийца. Прекрасное сочетание.

По правде говоря, у меня не было выбора. Это был мой единственный реальный шанс заработать много, быстро, и поскорее убраться в какой-нибудь другой город, где я мог бы начать все заново. И прожить совсем другую жизнь. Осуществить мечту. В этом я по странности похож на Г.П. У него тоже не было выбора – ему нужен был виновник гибели супруги. Я дал ему шанс, и он за него ухватился, позабыв про всякую осторожность. Ни одного свидетеля, никакой милиции, как я и просил. Поверил в мою наскоро сочиненную историю «о человеке из дома напротив». О тайн-

ственном незнакомце, с которым якобы говорила его жена. О номере телефона, который мне, кстати, сообщил вовсе не дворник, а В.Н. А дворник меня знать не знает, как и я его – просто, в очередной раз следя за перемещениями Г.П., я подсмотрел их разговор. А он, надо же... Доверился мне полностью. Впрочем, я знал, что так и будет. Даже возомнил себя на редкость мудрым и проницательным. А на самом деле я всего лишь маленький жадный придурок, загубивший по указке две человеческие жизни и не получивший за это ни гроша.

Ладно. По крайней мере, мне удалось уйти. Пусть теперь понервничают, это дельце им не удалось обстряпать так легко, как хотелось. Я оказался увертливым. Хотя, что толку, в моих же интересах нигде не упоминать о том, что происходило за последние несколько дней. И они тоже знают, что я буду молчать.

Смех, да и только. Я точно без ума.

Все, что от меня требовалось – это спокойно сесть в поезд и тихо добраться до пункта назначения. Не привлекая к себе внимания. И что сделал я? Я успел засветиться перед чуть ли не половиной своего вагона еще до того, как стал пассажиром. И после этого я еще рассуждаю об осторожности. Уже несколько человек наверняка в случае чего смогут меня опознать, причем один из них остался на том замызганном полустанке, который мы покинули примерно час назад. Веро-

ятность того, что меня будут там искать невелика, еще меньше – что он попадет на глаза, и все-таки... любая мелочь, которую я оставляю после себя, значима и может перечеркнуть весь этот мой стихийный побег.

По правде говоря, ситуация была действительно глупая. Уже когда я оказался на платформе и подходил с билетом к проводнику, из вагона вдруг выскочил парнишка лет пятнадцати и бросился бежать. В руках его я успел заметить женскую сумочку и понял, что произошло, еще раньше, чем услышал женский крик из вагона. Кража. Такое с зевающими пассажирами и пассажирками случается сплошь и рядом. Толком не успев сообразить, что должен делать, я рванулся вслед за вором. Наше состязание в беге оказалось недолгим – уже через несколько метров я повалил его на землю. Парнишка бросил на меня злобный взгляд, плюнул в моем направлении и скрылся, оставив сумочку на платформе. Подняв, я понес ее в сторону вагона и только в этот момент понял, что натворил.

Часть людей высыпала из вагона, другие прильнули к стеклам. Все смотрели на меня. Пожилая женщина в халате (на улице стоит мороз) подбежала ко мне, выхватила сумочку и прямо на месте стала проверять ее содержимое. И деньги, и документы, к ее радости, оказались на месте. И стал я героем. И давай меня благодарить. Черт бы их побрал всех, и меня вместе с ними. Почему именно мне должно было понадобиться пуститься в погоню за этим пацаном, почему все

вокруг стояли и смотрели, разинув рты? Включая проводника, кстати, парня довольно крепкого с виду.

Помимо всего этого, оказалось, что дама, которую чуть не обокрали – моя соседка по купе. «Наконец-то у нас появился свой мужчина!» – радостно провозгласила она попутчикам, когда мы вошли в вагон. Веселится. Лучше бы за багажом следила. Угораздило деньги и документы держать в сумочке, а ее оставить на самом видном месте.

В купе действительно одни женщины. Моя новая знакомая, представившаяся как Надежда Михайловна, едет в компании с дочкой Наташей – девчонкой лет двадцати трех, и особой, которую она назвала своей сослуживицей – Татьяной Петровной – высокой бледной крашеной блондинкой среднего возраста. Обе тетki еще минут пятнадцать охали и возбужденно обсуждали происшедшее. Наташа же, загадочно улыбаясь, поглядывала то на одну, то на другую, то на меня и молчала. Хорошо, когда человек умеет молчать. Золотое свойство.

Наконец, они закончили трещать и, как по команде, уставились на меня. Началось. Новая порция благодарностей. Compliments. Знали бы, кого называют благородным, смелым и мужественным. В миг след бы простыл, ехал бы в купе один всю дорогу. Нет, не всю. До первого появившегося мента.

Только эта самая Наташа все так же ни слова. Может, немая? Было бы просто прекрасно. И гармонично – при та-

кой мамаше.

Начались расспросы – кто да откуда? Да почему никаких вещей нет? Не подозревают, просто интересуются. Может, и хорошо, что познакомились при таких обстоятельствах? Все-таки произвел хорошее впечатление. И все же помалкивали бы. Меньше трепа, меньше внимания.

Темню, отвечая на вопросы. Еду до конца, к родственникам, все вещи у них. Отвечаю неохотно, односложно. Изображаю неразговорчивого молодого человека, одним словом. Дамы все равно мной не нарядуются, бросились чаем угощать. Да, неплохо бы чаю – на вокзале и по дороге из города сильно замерз. Собираясь на дело, не рассчитывал на погоду.

Отогрелся, полез на свою полку. Достаточно.

Называют меня Сашей, хотя представился я Александром. По-моему, в детстве последний раз Сашей называли. Еще в интернате. Приятели называли Алексом. На работе звали Саньком. Ленка звала Шуриком, пока не разругались.

А В.Н. никак не называл, хоть и «выкал». Надутый индюк. Наверное, уже пустил своих уродов по моему следу. Ищите. Надо было меня шлепнуть там же, неподалеку, не давая мне вернуться домой. А теперь меня попробуй найди.

Ехать в поезде – одно из самых скучных и утомительных занятий на свете. Некуда себя пристроить. Чем можно заниматься в поезде? Разговаривать с попутчиками, которым на

тебя наплевать, как и тебе на них? Спать, как две из моих соседок сейчас или глядеть в окно, как Наташа, иногда поглядывая на попутчиков (она действительно часто украдкой на меня посматривает – думает, я не замечаю).

Все, пожалуй?

Да нет, пожалуй. Еще можно читать. В моем случае следовало бы добавить «к сожалению».

Прочитал дневник Геннадия Петровича. Г.П., как я его назвал.

Не стоило читать. Надо было поскорее избавиться от этого блокнота, от этих чужих мыслей, которыми мне ни к чему забивать свою голову, раз уж все случилось и ничего не изменишь. Знал заранее, но любопытство взяло верх. И вот теперь, когда все прочитано, я продолжаю вести уже свои заметки в этом же самом блокноте. Наглец?

Наверное, наглец. Во всяком случае, я не раскаиваюсь в содеянном. Это все равно, как если бы пистолет сокрушался по поводу того, что кто-то не вовремя нажал на его спусковой крючок. Да, я был оружием – неодушевленным предметом, который купили и использовали, от которого затем хотели избавиться, но который в этот самый момент случайно выскользнул из руки стрелявшего и куда-то затерялся. Все мои личные эмоции не имели и не имеют никакого значения после того, как я согласился убить одного человека, а затем и другого. А согласился я быстро, думал недолго. Я избавился от всех своих переживаний еще до того, как стал убийцей.

Так же, как следовало избавиться и от этого блокнота.

Плохо то, что, дочитав записки своей жертвы, я проникся уважением к ней. «Жертва»... Глупое слово. Меньше всего этот человек был похож на жертву. На раненого бойца скорее. Раненого и контуженого, тело и мысли которого уже плохо слушаются своего хозяина. И все же не сдающегося до самой своей последней минуты. Мне кажется, он успел понять, что я и есть убийца его супруги. Что-то в его взгляде внезапно изменилось, глаза смотрели на меня пристально, но складывалось ощущение, что он уже не слушает то, о чем я говорю. Может быть, он пытался понять причину. И знал, что я пришел за ним. Наверное, если бы я промедлил еще минуту, он спросил бы меня в лоб: «Зачем ты это сделал?» и «Кто приказал убить мою жену?» Но эти вопросы не прозвучали. Воспользовавшись первой же возможностью, я нанес удар, лишив его сознания. Точно так же, как за несколько дней до этого я вынужден был поднять руку и на его супругу, после чего сбросил с балкона ее уже бесчувственное тело. Можно сказать, что я застал их обоих врасплох. Но на самом деле я думаю, что это не так. Просто они оба не сопротивлялись. Она даже не вздрогнула, услышав шорох за спиной. Только выпрямилась. Не обернулась. Если бы она повернулась ко мне лицом в тот момент, то я наверняка увидел бы маску спокойствия на нем. Я думаю, она чувствовала, с какими людьми свела ее жизнь. С чудовищами, которые с легкостью пойдут на все, только бы их обман не открылся.

Потому-то, скорее всего, и не сказала ни слова мужу. Тоже достойно уважения. Я мог бы родиться в этой семье. Мог бы научиться быть сильным, самоотверженным, любящим. Но сейчас это для меня – пустые слова. И мне жаль только того, что мы не встретились раньше, когда все эти слова еще могли бы иметь для меня какой-то смысл.

Мы встретились лишь однажды и совсем при других жизненных обстоятельствах. Впрочем, почему однажды? С Г.П. мы встречались еще раз, за день до моего визита к нему. Кстати, эта встреча, хоть и была мимолетной, но попала-таки в его дневник. Вообще, если бы он смог не только записывать свои мысли и наблюдения в блокнот, но затем и внимательно перечитывать их, то вполне мог бы продвинуться в своих слепых и во многом нелогичных поисках. Ведь оба непосредственных виновника – и я, и В.Н. мелькали в его записях. Если бы он мог трактовать происходящие события не только со своей, но и с другой, сторонней точки зрения, то мог бы даже опередить нас.

Он действительно столкнулся со мной в «Джулии», и да, абсолютно точно, он вляпался рукавом пиджака в поджарку с пюре, которые я нес за четвертый столик. Не успел увернуться, когда он стремительно направился в гардероб. В.Н., которого он называл Киселевым, так и остался сидеть за столиком с открытым от удивления ртом и начатой бутылкой «Флагмана». Я бы не отказался тогда запустить тарелкой с остатками пюре в эту глупую физиономию, дополнив тем са-

мым получившуюся композицию. Та встреча действительно самому В.Н. была не нужна. Он устроил ее для того, чтобы убедиться, что муж его бывшей сотрудницы сомневается в ее самоубийстве. И для того, чтобы показать мне лицо моей будущей жертвы. Смотрины. Что ж, я увидел. И запомнил. А вот Г.П. меня, как и следовало ожидать, не запомнил, и при нашей личной встрече не узнал.

Дневник мог бы привести к разгадке. Может быть, он не давал ответа на вопрос – почему, за что была убита его жена. Честно говоря, я и сам до конца этого не знаю. Будучи бухгалтером, она, похоже, узнала о какой-то денежной махинации и, видимо, поставила в известность кого-то из руководства банка. Глупая честность и принципиальность стоила ей жизни. В деле был замешан В.Н., который нашел для решения проблемы «парня со стороны» – меня. Он часто бывал в «Джулии», как-то раз мы познакомились. Слово за слово, он понял, что мне нужны деньги и предложил «прибыльное дело». Видимо, я раскрылся слишком сильно, потому что, судя по его виду, он нисколько не сомневался в том, что я соглашусь. Уломал. Наплел, поулыбался, посулил... потом и аккуратно пригрозил. Я был в кармане. Опасный, коварный, беспощадный сукин сын этот В.Н. При этом и правда какой-то убогий. Лизал бы подметки любому, будь он простым клерком. Но когда случается, что такие как он берут ситуацию под свой контроль... Их нельзя недооценивать. А Г.П. сделал именно это. И поплатился. Пугливый и осторож-

ный чиновник, карьере которого, сам того не зная, попытался поставить под сомнение беззащитный, хоть и бесстрашный «простой» человек, раздавил его как муравья. Может быть даже хорошо, что жизнь Г.П. оборвалась тогда, когда он лишь едва почувствовал надежду. Он так и не узнал, что этой надежде не суждено было сбыться, что до решения той задачи, которую он себе поставил, еще очень и очень далеко... А так, можно сказать, что он умер героем – мужественным и несломленным. Только вот кроме меня об этом вряд ли кто-то узнает. Просто еще одно самоубийство. Несчастный муж не смог справиться со своим горем и повесился на крюке от люстры в гостиной квартиры своего двоюродного брата. Почтим память вставанием и накатим по полтиннику за упокой души. Так и не узнав, что это был за человек, чем он жил и как умер.

Этот блокнот – вот единственное, что после него осталось. Он многое для него значил, даже, видимо, слишком. Когда мы с ним говорили, он часто на него косился, думая, что я этого не замечаю. А я сразу понял, что это дневник. Так и оказалось. Забрав его, я спас В.Н. от неприятностей, да только он этого не знал. А знал бы, оценил бы по-своему. Прежде чем убрать меня, потребовал бы этот блокнот себе. Да уж, ощущение, что тобой управляют и делают с тобой все, что хотят – не из приятных. Зато приятно выскользнуть из этих «объятий» невредимым. Черт с ними, с деньгами. Урок на будущее. Для моей новой жизни в незнакомом городе.

«С вами случилось какое-то несчастье?» – спросило вдруг это нежное синеглазое создание.

Я вздрогнул и посмотрел на нее. Да, вопрос предназначался мне. Не мигая, она глядела в мои глаза, чуть приподняв левую бровь. Одухотворенное, открытое лицо.

Я затаился еще раз и выбросил сигарету в окно тамбура, пытаясь перестроиться. Действительно, странно. Минут десять мы говорили о всякой чепухе. Вернее, говорила в основном Наташа, а я курил и смотрел в окно, слушая ее историю вполуха. Она мешала мне, не знаю, с какой стати она увязалась следом... «Хочу подышать», – сказала она своей маме. На здоровье, только причем здесь я? Мне не нужно никакого общения, я просто хотел, наконец, побыть в одиночестве хотя бы несколько минут. Но послать ее подальше тоже не имел права. Вот и пришлось стоять и слушать о том, что летом она поступила в престижный институт на заочное платное обучение, а теперь направлялась на сессию. И что деньги, которые у них чуть не украли, были платой за очередной семестр. И что ее мама бы не перенесла, если бы эти деньги вдруг пропали. И как все они переполошились, когда мальчишка схватил со стола сумочку. И как всем стало хорошо, когда я им ее вернул. Бред какой-то, наваждение. Все упорно пытаются сделать из меня героя. Какая-то нелепая насмешка судьбы.

И вдруг этот вопрос. Сродни удару поддых.

«У вас лицо человека, пережившего драму», – поясняет она, словно пытаясь угадать причину моего замешательства.

Этого еще не хватало.

«У меня обычное лицо», – отвечаю ей спокойно, – «И потом, почему вы решили, что я должен рассказывать о своих бедах? Они есть у каждого, и каждый живет с ними».

«Вы не должны о них рассказывать, но вы можете это сделать. Вы совершили добрый поступок, и мне хочется отплатить вам добром, помочь вам, если вы в этом нуждаетесь. Мы с вами вряд ли еще увидимся, поэтому я подумала, что вы сможете рассказать мне обо всем, что вас гнетет».

Мне трудно смотреть на нее. Слишком хорошее, доброе лицо.

Трудно слушать ее. Слишком нежный голос, говорящий какие-то невероятные для меня вещи так вот просто, как бы между прочим. Я чего-то не знаю? В этом мире что-то изменилось?

Внезапно ловлю себя на том, что мне страшно оттого, что я вижу и слышу. Я пытаюсь сохранять спокойствие, но чувствую себя оглушенным.

Не так. Что-то пропустил. Зачем она спрашивает. Почему я не отмахиваюсь от этих слов, не изображаю высокомерие или не надеваю на себя еще какую-нибудь глупую маску?

«Я наблюдаю за вами. Вы интересны мне, в вас чувствуется что-то новое для меня. Что-то, чего я не вижу в других людях. Но есть что-то, что сдерживает вас, не дает рас-

крыться. Я думаю, что это – недооценка вас окружающими и... может быть, какое-то горе?»

Замолчи.

«Вы столько времени проводите с ручкой и блокнотом, но, может быть, вам проще рассказать обо всем мне?»

Я вдруг почувствовал, что она убивает меня. Каждым своим новым словом. Своей добротой, которая разрушает то, что кажется незыблемым мне. Разрушает мой мир и меня вместе с ним.

«Вы ошибаетесь, Наташа», – наконец, говорю я, – «Заблуждаетесь в отношении меня. Я всего лишь начинающий писатель, еду к родственникам, а пока ищу новый сюжет».

Чушь какая. Белые нитки. Никогда не мог сочинить что-то путное на ходу. Но мне нужно остановить поток этих вопросов.

Наташа смотрит на меня недоверчиво, затем улыбается. Как-то ласково, по-домашнему.

«Надеюсь, ваш литературный герой – добрый и великодушный человек. И все же, если захотите поговорить – пожалуйста, я к вашим услугам», – сказала она и взялась за ручку двери.

«Вы учитесь на психолога?» – спросил я.

Она снова улыбнулась и молча покачала головой. В следующую секунду я остался один в тамбуре, но именно в этот момент мне меньше всего хотелось оставаться наедине с самим собой.

Я вернулся через несколько минут и, не глядя ни на кого, сразу забрался на свою полку. Вскоре женщины стали играть в карты, позвали в свою компанию меня, но я притворился спящим. Притворился? Мне стало казаться, что я на самом деле сплю. Что еще мгновение, и все вокруг растворится. Не будет никакого разговора в тамбуре, не будет этих неожиданных наивных добрых глаз юной девушки напротив меня, не будет ее голоса. Не будет вороха мыслей, которые словно ждали своего часа, чтобы обрушиться на меня всей своей массой. Не будет никаких трудностей, которые вдруг появились совершенно из ниоткуда. Часом раньше все было так просто – я знал, что должен делать и чего делать не следует. У меня был простой план, которому недоставало только денег. «Всего лишь», по сравнению с тем, что я мог распрощаться с собственной жизнью. Но вот. Сначала дневник, а затем этот диалог.

Я растерялся. Страх. Словно я вдруг забыл, как дышать. Словно в шаткую конструкцию кто-то бросил маленький камень.

Через час я забылся беспокойным, каким-то нездоровым сном.

Когда проснулся, на часах было уже 02:15. В вагоне было тихо – мои попутчицы, как и все пассажиры, мирно спали. На верхней полке напротив меня лежала Наташа. Блики света от дорожных огней мелькали на ее милом, спокойном во

сне лице. Внезапно мне захотелось разбудить ее и сразу же, здесь же рассказать ей обо всем, что со мной случилось. Так испуганный ребенок будит свою маму посреди ночи. «Испуганный ребенок». Вот во что превратился самоуверенный хладнокровный убийца, притушивший свои чувства, искусственно умертвивший все живое в себе.

Я сел на полке, не сводя глаз с Наташи. Казалось бы, так просто – протянуть руку и прикоснуться к ней. Наверняка, она спит чутко. Наверняка, одного взгляда на меня ей будет достаточно, чтобы понять, что ее глаза нужны мне.

Нет.

Нельзя. Не имею права.

Она должна продолжать жить своей молодой, полной ярких красок жизнью. Закончить институт, устроиться на нормально оплачиваемую работу, встретить порядочного мужчину, родить и воспитать ребенка с такими же, как у нее, лучистыми глазами. И лучше ни ей, ни ему не узнать никогда, что на свете есть такие, как В.Н. И такие, как я. Она ненамного моложе меня, всего на пару лет. Но ее поезд мчит на всех парах. А мой... Моему впору идти под откос.

В 02:30 должны были остановиться на очередной станции. Как раз на узловой. Это был мой единственный выход. На завтра я бы не удержался и обязательно обо всем рассказал ей.

Заспанный проводник даже толком не слушал мои объяснения. Когда мы остановились, он выпустил меня, сонно

кивнув на мое «до свидания», и отправился досматривать свой «железнодорожный» сон.

Поезд тронулся через три минуты, оставляя меня одного на платформе. Я долго смотрел вслед исчезающим в темноте вагонам, и сердце мое разрывалось от боли и отчаяния. От меня уезжали мои последние иллюзии на новую жизнь. От меня уезжал единственный человек, рядом с которым я хотел бы побыть хотя бы еще немного...

Мне вдруг представилось, как утром мои попутчицы проснутся и увидят, что меня нет. Удивление в глазах двух дам на нижних полках. Надежда Михайловна достанет из-под подушки свою «золотую» сумочку и в очередной раз проверит деньги и документы. Затем посмотрит вещи, и, увидев, что ничего не пропало, удивится еще больше. И тут она заметит укоризненный взгляд своей дочери. Наташа знает, что я не вор. Но не знает, почему я сошел с поезда. Моя тайна осталась со мной. А я остался в ее прошлом.

Последние огоньки поезда скрылись. Я стоял и тупо смотрел перед собой.

Темно и холодно.

Так теперь будет все время.

Обратный поезд прибывает в 03:45. Скорее бы. Я должен вернуться. Не хочу бегать, да и не от кого. Что такое побег от В.Н., если главный враг поселился во мне самом? Может быть, люди называют это Совестью. Мне все равно, что думают люди. Как ни назови, это съедает меня изнутри, как бо-

лезнь. И тот, кто избавит меня от этого недуга, сделает благо для меня, сам того не подозревая.

Не жалуясь. Я заслужил эти страдания. Я заслужил все то, что со мной будет дальше, когда я вернусь и сдамся. Я надеюсь и на то, что В.Н... Вадим Николаевич Киселев, руководитель отдела в «АТМ-Банке» – что и он получит все, чего заслуживает. Ведь именно он использовал меня для убийства двух ни в чем не повинных людей. Именно он показал мне на входе в банк Анастасию Игоревну Дементьеву, мою первую жертву. Именно он незаметно вытащил из ее сумочки ключ от квартиры, по которому сделал дубликат, а затем снова подложил ключ ей, отдав копию мне, тем самым позволив в нужный момент беспрепятственно проникнуть к ней домой. Именно он дал мне ее адрес и обрадовался, узнав, что я живу совсем неподалеку. Именно он позвонил мне в назначенный день и сообщил, что только что отпустил ее домой, подав тем самым сигнал к началу спланированной им «операции». Именно он продумал все мои действия вплоть до того, что я должен был уйти с места преступления через дверь на крышу, которое действительно оказалось незапертым. Именно он порекомендовал мне надеть на ноги бахилы, которые я предварительно тайком вынес из ближайшей больницы, чтобы не оставлять следов в квартире и на лестничной площадке. Именно он после встречи уже с ее мужем Геннадием Петровичем Дементьевым приказал мне следить за ним, а затем и избавиться от него.

Именно он рассчитал все и, провернув дело, остался преуспевающим банковским служащим.

Но именно он недооценил жизнь, недооценил тот мир, в котором мы все живем. Недооценил соперника. Это серьезная ошибка, и она будет ему стоить дорого. Даже если сам я об этом не узнаю. Есть этот дневник – ключ ко всему происшедшему. Его увидят.

Интересно, что когда я оглядываюсь назад на свою короткую жизнь, то не вижу ничего такого, с чем мне было бы тяжело расстаться. Видимо, это оттого, что я жил уже где-то в будущем, в другом измерении. Стремился в завтрашний день, не видя, что происходит вокруг. Не замечая препятствий. Возможно даже, что среди людей, которые мне встречались до того, как я переступил последнюю черту, были и те, кто мог бы меня понять или хотя бы захотел услышать, как Наташа. Тогда они казались мне чужими, ничем не отличавшимися от всех остальных. Теперь мне остается только сожалеть об этом. О том, что в какой-то момент я отвернулся, отказался от всего, что могло превратить меня в другого, более совершенного человека. Проще говоря, я поставил на другой цвет. И тем самым сделал неверный выбор. Теперь слишком поздно, чтобы что-то исправить и жить с этим дальше. Зато самое время принять свою жизнь такой, какой я ее сделал.

Гудок за окном. Голос из динамика. Наконец-то. Посадка на поезд.

Март-апрель 2005

Спасибо

Добрый день, Владимир.

Долго думала над приветствием, наконец, выбрала это. «Добрый день». Действительно, добрый. Он, может быть, и сам не догадывается, до какой степени. Вот уже пятнадцать лет этот день оказывается для меня не просто датой в календаре. Праздник ли это? Наверное. Несмотря на то, что именно в этот день я стараюсь как можно реже показываться на глаза людям, чтобы они не видели моих слез. Горьких слез, сменяющихся счастливой улыбкой. Да, вот такая гамма чувств. Конечно, никому она не понятна. Ведь мы переехали в этот город через несколько дней после того, что произошло. И никто, кроме меня, мамы и Сергея не знает о том, что произошло в нашей семье этим днем пятнадцатью годами ранее. Сергей – это мой муж, теперь мы уже не живем вместе. Он полюбил другую женщину, но Сергей – порядочный человек, и я знаю, что он оставит нашу тайну при себе. Я не осуждаю его. После того, что случилось, нам было трудно жить рядом, трудно вечером ложиться друг с другом в постель, трудно каждое утро смотреть друг другу в глаза, улыбаться друг другу. И воспитывать сына вместе.

Сейчас Лешке уже 18. Да-да, самой не верится. Совсем большой, совсем взрослый. Все время боюсь за него, волнуюсь, как сумасшедшая. Он только смеется. Глупый маль-

чишка. Конечно, он не знает. И слава Богу, что не знает глубины моих переживаний. На днях сдал на права. Представления не имею, как буду отпускать его одного в город на машине. Точно с ума сойду. Как я могла разрешить ему поступить на эти водительские курсы? Просто все для него, все ради него. Я не могу его сильно ограничивать, хочу, чтобы у меня был нормальный незакомплексованный мальчик, который вот-вот вырастет в замечательного мужчину. Я знаю, что уже очень скоро он не сможет быть со мной. Что я, несмотря на всю свою привязанность и сумасбродность, не смогу удержать его рядом со мной. Но пусть он будет счастлив. Пусть он будет здоров. Пусть он будет великодушен, смел и решителен. Пусть в этом он будет похож на Вас. Знаете, он у меня такой талантливый. Поступил на самый престижный факультет нашего университета. 12 человек на место, а Лешка взял и поступил. Преподаватели говорят, что у него светлая голова, математический дар. Говорят, что при правильном отношении из него может получиться серьезный ученый. Будет правильное отношение. Будет все, что только ему понадобится. Я сделаю все, что в моих и выше моих сил. Потому что это мой сын. Потому что он самый лучший. Это ребенок, которого мне подарили дважды. Первый раз – восемнадцать лет назад его подарил мне Сергей. А второй раз – три года спустя, таким же, как сегодня, августовским днем. На этот раз его подарили мне Вы. И каждый раз, когда я смотрю на его задорную улыбку; на то, как он болтает с другом по те-

лефону; на то, как он ест или спит – я вспоминаю, что именно Вы подарили, вернули мне его. Я снова хочу сказать спасибо Вам, снова путаюсь в словах, чтобы сказать, насколько сильно я благодарна Вам. И мои глаза в очередной раз наполняются слезами оттого, что Вы никогда не услышите, не прочтете этих слов. У Вас не было детей, не было жены или невесты. Даже родителей, несмотря на то что Вы были еще очень молоды. Ну что ж... Может быть, в следующей жизни нам снова посчастливится встретиться, и тогда, может быть, мне удастся отплатить Вам добром. Кто знает, может быть, уже в вашей квартире случится пожар, и уже я, простая прохожая, не задумываясь, ринусь спасти Вас из огня. Меня, как и Вас, ничто не остановит. И я знаю, что спасу Вас. Даже ценой собственной жизни. Как это сделали Вы, бросившись за моим сыном.

Я перечитаю это письмо еще раз, а затем сожгу его. Спички, пепельница – вот они, рядом со мной. Письмо получилось коротким, гореть будет недолго. Потом я схожу в церковь и поставлю еще одну свечу за Вас.

А через несколько дней я, пожалуй, возьму неделю отпуска и съезжу в тот город, из которого мы бежали пятнадцать лет назад. Хочу побыть на Вашей могиле и попробовать еще раз сказать то, о чем я пишу сейчас. Может быть, случится чудо, и Вы услышите меня.

Спасибо Вам.

Мама Леша Александрова
Ольга Константиновна

Март 2005

Прощание с любимой игрушкой

Иногда выпадают дни, когда чувствуешь себя прямо-таки непобедимым. Конечно, предсказать их приближение невозможно. И пусть не сбивает с толку красный цвет некоторых дат в календаре. Праздники души и праздники на улицах и площадях совпадают не так часто, как хотелось бы. Иной раз день чьего-то профессионального праздника или сколько-то-летия со дня рождения неизвестного тебе деятеля оказывается днем и твоего счастья, и уже ты сам шарришь по ящичкам стола в поисках красного фломастера. В такие дни словно кто-то могущественный извнеземного департамента, насмотревшись на твои каждодневные мытарства от одной запертой двери к другой, решает объявить тебе (да и себе заодно) внеплановый выходной – аккуратной стопочкой складывает события и обстоятельства, желания и поступки, смешивает в одном у ему известной пропорции, складывает все в коробку с датой... и в назначенный день ты внезапно становишься Чемпионом. Все удается, хорошие новости следуют одна за другой, жизнь бьет ключом. Слова окружающих превращаются в песни на понятном тебе языке, а все, что ты видишь перед собой – в сменяющие друг друга яркие радующие глаз полотна.

По иронии, тот день казался мне именно таким. Что называется, с утра задался. Причем с самого раннего, хоть я и

не сразу это заметил. Выпорхнув из подъезда, я тут же попал в поле зрения весеннего солнца, старавшегося светить в мою сторону как можно более ласково, и птиц, которые на своем особом наречии пытались сообщить мне о моем тотальном успехе в предстоящие несколько часов. Впрочем, всего этого я не видел и не слышал, – направляясь по дорожке от дома к машине и на машине до конторы, я, по традиции, был погружен в размышления. Подумать, естественно, было о чем. О том, что мне в очередной раз не удалось выспаться. О том, что надо успеть заправиться, и что бензин в очередной раз подорожал. О том, что через несколько дней хозяйка своим подчеркнuto дипломатичным, но не терпящим пререканий тоном осведомится о плате за квартиру, и о том, случится ли зарплата, чтобы еще на некоторое время сохранить с этой дамой «хорошие», подчеркнuto «дружеские» отношения. О том, что «ну ее к черту эту работу, хочу в отпуск» я тоже успел подумать, но было это тогда, когда я поднимался по лестнице и шел по коридору навстречу своему рабочему месту. Развить эту мысль у меня уже просто не хватило времени.

Телефон был настолько рад меня видеть, что почти тут же издал свою традиционную трель. Первый звонок этого дня не имел к работе никакого отношения. Разговор предварял залиvistый мужской смех в трубке, который поверг меня в легкое недоумение. Но когда звонивший отсмеялся и заговорил, то настала очередь улыбнуться и мне. Это был Майк Ти-

хонов, мой школьный приятель, который по окончании школы перебрался жить в столицу, и о котором с тех пор я ничего не слышал. Ну вот, человек пожелал повидать родные края и собрать старых друзей. Как трогательно. Собственно, потому он и звонил. Договорились встретиться у него перед выходными.

Не успел я положить трубку, как телефон зазвонил снова. И на этот раз сомнения в том, что рабочий день уже начался, рассеялись. Звонила секретарь, она сообщила, что шеф вызывает меня к себе в кабинет. Ничего хорошего, как правило, визиты «на ковер» в себе не таили, а традиционно вежливый голос Валерии в трубке не прояснил причину вызова, да еще столь раннего. Пожав плечами, пошел.

И вот, в 10:21 по московскому времени, выйдя из кабинета директора и закрыв за собой тяжелую дверь с устрашающе черной кожаной обивкой, я понял, что праздник, наконец, добрался и до моей улицы.

– Виктор! – окликнула меня Валерия.

Я повернулся к ней.

– Подпиши накладную, пожалуйста, – произнесла она официально и, бросив короткий взгляд на дверь кабинета, добавила, понизив голос: – Он очень доволен. Говорит, что ты проявил себя настоящим волшебником.

– Только учусь, – пробормотал я, расписываясь в накладной.

– Я думаю, ты себя недооцениваешь, – проговорила она с легкой загадочной улыбкой. – Но начальство с бухгалтерией этот договор оценят по достоинству. Тебе дадут премию. Заслуженную.

Она продолжала смотреть на меня, ожидая ответа. А мне было не до него, хотелось осмыслить произошедшее.

– Спасибо, – бросил я ей и направился к выходу.

– Сегодня у тебя явно удачный день, – заключила Валерия за моей спиной.

Я оглянулся и посмотрел ей в лицо. Ее улыбка отличалась от дежурной «секретарской», во всей позе чувствовалась необычайная для Валерии раскованность и расположенность. «Неужели девушка строит мне глазки?» – промелькнуло у меня в голове. Выдавив из себя улыбку, я кивнул ей.

– Да, я тоже думаю об этом.

И это было действительно так. Я думал о том, что фортуна улыбнулась мне. Уж не знаю, была ли эта улыбка такой же ослепительной, какой меня наградила Валерия, но сам факт везения был неоспорим. На договор с вологодцами уже чуть ли не махнули рукой – условия, которые предлагались нашей фирме, были «неподъемными». Необходимо было искать нового партнера, налаживать новые связи... Этим, к собственному неудовольствию, и порекомендовал заниматься шеф. И тут я. Нахожу аргументы, обрываю телефоны, посылаю электронные письма... И вот, в итоге... Договор подписан, сотрудничество продолжается, условия – весьма неплохие. Чу-

до. Причем в моем исполнении.

Коллеги, как водится, узнали о случившемся раньше, чем я вернулся на рабочее место. Информация в нашем учреждении, как и во всяком другом, расходится по рукам и по умам мгновенно, не успел ее автор даже сообразить, стоило об этом говорить или нет. А так как новость была самой что ни на есть приятной, то встретили меня улыбки и дружеские похлопывания по плечам.

В обеденный перерыв был организован мини-праздник сродни разве что дням рождения, неизменно отмечаемым в нашей фирме. Второй день рождения. Вторая порция выглядящей неподдельно радости и массового восхваления моих личностных качеств. Чертовски приятно. Какой день!

После обеда, как и было предсказано Валерией, бухгалтерия расщедрилась на премию, за которой меня по телефону лично пригласила главный бухгалтер. Деньги. Проблема квартплаты за месяц решилась сама собой. Удовлетворенное лицо хозяйки... мне предстояло снова увидеть его, после чего расстаться с ней еще на тридцать дней.

Счастье... Да, в течение этого дня оно приобретало разные, но одинаково незабываемые лица.

За 20 минут до окончания сказочного рабочего дня вновь зазвонил телефон. Помедлив секунду, я загадал, от кого будет этот звонок. Человек, который еще не принял участия в моем празднике, и которого мне так хотелось снова услы-

шать.

– Алло, добрый день, – произнес женский голос.

В десятку. Я улыбнулся. Это был мой день, события слушались меня.

Кэт. Ее неизменное официальное «алло, добрый день» на тот случай, если я занят переговорами с клиентом и не могу говорить на нашем с ней обычном, человеческом, не штампованном языке.

– Приветик, Кэт! – радостно воскликнул я.

В трубке помолчали.

– Привет, Вик, – проговорила Кэт. – Я хочу увидеться с тобой. Сможешь подъехать после работы?

Странно. Тот же бесцветный голос. Может, не расслышала мое приветствие? Или рядом кто-то? Но тогда почему «Вик»? Впрочем, Кэт была мастерицей по всякого рода розыгрышам – и не исключено, что это вступление было началом очередного из них.

– Конечно, солнце! Скоро буду у тебя! Пеки пирожки, жарь котлеты! – бодро застрекотал я, улыбаясь телефону.

– Отлично. Тогда до встречи, – сказала она, после чего послышались гудки.

Я положил трубку, откинулся в кресле и закрыл глаза, вызывая в памяти лицо Кэт.

Мы познакомились на третьем курсе института, когда она перевелась к нам с вечернего отделения. Стройная смешливая девчонка с живыми большими карими глазами и собран-

ными в забавный тоненький хвостик светло-русыми волосами. Естественно, что среди моих сокурсников нашлось немало желающих опекать ее. Меня не было среди них, тем не менее, Катя отдала предпочтение именно мне – из-за тяготения к неординарным поступкам, наверное. Вряд ли мой внешний вид произвел на нее неизгладимое впечатление. Сама она так и не ответила мне серьезно на вопрос о том, что нас связало. Она вообще редко бывала серьезной, оттого мне было так легко и светло рядом с ней. Я становился похожим на нее, таким же непосредственным в проявлении своих эмоций оптимистом. Взрослым ребенком. Такая перемена первое время удивляла меня, и еще больше удивляла моих знакомых. Улыбка до ушей так не вязалась с моим прежним образом скромного и тихого мечтателя...

Наших отношений с Кэт никто не мог понять. Потому что это не выглядело как «роман», несмотря на то что нас часто можно было видеть вместе. К определению «дружба между мужчиной и женщиной» кем-то было заведено относиться с иронией и недоверием, да и вряд ли это можно было назвать «дружбой» в общепринятом понимании. Просто два близких и интересных друг другу человека, которые шутят, обсуждают, спорят, флиртуют... но лишь друг с другом, словно никого другого не существует. Эти отношения не старились и не становились тесными, как обувь или одежда. Они не грозили женитьбой, но не были и «бесполовыми». Однажды мы с ней выехали на озеро, и это путешествие подействова-

ло на нас обоих – мы не вернулись домой вечером, как собирались, а провели ту ночь вместе на берегу в маленькой, но показавшейся нам такой уютной палатке. Юные, наивные, смешные романтики – мы, казалось бы, перешли грань, которую переходить были не должны. Наверное, возвращаясь поутру обратно в город, она, как и я, тоже думала об этом, опасаясь изменений в нас и наших чудесных, кристальных отношениях. Но та ночь, преисполненная нежности друг к другу и ко всему, что мы видели вокруг себя, оказалась именно добрым, а не злым волшебством. Хрусталь выдержал это испытание, мы остались близки и не действовали друг другу на нервы ни обещаниями, ни претензиями, ни ревностью. Мы по-прежнему были рядом, по-прежнему были довольны друг другом и тем, как складывается наша жизнь. Виделись почти каждый день и вот, через несколько минут нас ожидала новая встреча.

Отвлечшись от своих мыслей, я обнаружил, что на часах уже 18.03. Рабочий день проявил свои лучшие качества. На этот раз непривычную для меня деликатность – под конец работы на меня не свалилось никаких срочных дел. И прекрасно. Хватит работать, «закрываем лавочку». Дорога открыта. Спасибо всем. Вставая из-за стола, я еще раз взглянул на календарь. 21 апреля. Стоило заказать приз «за самый удачный день года».

Припарковался как обычно у куста сирени неподалеку от

ее подъезда. Сколько раз мы встречались и ненадолго расставались под ним. Я вновь представил, что через каких-то несколько дней он зацветет и снова превратится в яркое фиолетовое облако, источающее божественный аромат. И частичка этого облака вновь поселится у Кэт дома, потому что каждый раз при нашей встрече я буду дарить ей очередную сиреневую гроздь. От мысли об этом мне стало тепло и радостно. С улыбкой распахнул я старенькую скрипучую дверь ее парадного и стал подниматься по лестнице. Традиционно грязный подъезд с покосившимися деревянными почтовыми ящиками, торчащими из стен пустыми цоколями над разрисованными приличными и не очень надписями электрощитками. Полустершаяся табличка «список жильцов», где напротив квартиры, в которой проживала Кэт, еще можно было разобрать забавную фамилию прежнего жильца – Тырин. На ее лестничную площадку через небольшое прямоугольное оконце пробивался солнечный луч, и складывалось ощущение, что это единственное место во всем подъезде, куда удавалось пробраться весне. И меня это несколько не удивляло, солнце не ошибалось с выбором, оно особенно охотно светило для тех, кто ждал его и для тех, кто излучал внутренний свет. Как Кэт.

Она открыла дверь почти сразу, но не зажгла свет в прихожей.

– Привет. Проходи в комнату, – прошелестела она и исчезла так стремительно, что я даже не успел разглядеть ее

лица в полумраке. Только золотистый локон мелькнул в одиноком блике на обоях.

– Насколько я помню, кто-то собирался коротко подстричься! – весело прокричал я, стаскивая туфли.

Ответом было молчание. Я вошел в комнату. Кэт стояла у окна, скрестив руки на груди, и пристально смотрела на меня. Похоже, снова что-то задумала. «На этот раз ей не удастся меня одурачить», – дал я себе зарок, терпеливо дожидаясь улыбки на ее лице.

– Кто-то собирался подстричься, но передумал? – продолжил я ехидно.

Некоторое время Кэт молча смотрела на меня, затем отвела глаза.

– Да, кто-то передумал, – проговорила она каким-то неузнаваемым глухим голосом.

– Наверное, парикмахер сбежал, увидев, какую красоту ему придется срезать, а? – не унимался я. – Или всю парикмахерскую закрыли на санитарный час, завидев, как ты идешь к...

– Случилось несчастье, – вдруг медленно произнесла Кэт.

Прерванный на полуслове, я не сразу понял смысл этих слов. Улыбка на моем лице замерла, словно не знала, что ей делать дальше. Мне все еще казалось, что взгляд Кэт вот-вот прояснится, и она выдаст какую-нибудь шутку, превращающую такое странное начало разговора в фарс.

– Несчастье? – переспросил я, глупо ухмыляясь и недо-

верчиво наклонив голову.

– Сбила машина, – послышался ее растерянный голос.

«Это не может быть правдой. Какая машина? Вот она стоит передо мной, живая и здоровая. Все-таки розыгрыш. Надо же, какая артистка на мою голову», – подумал я.

– Тебя сбила машина? И сейчас ты, видимо, лежишь в больнице, да? А я, видимо, твой врач. Вы неплохо выглядите, больная. Похоже, машина отделалась легким испугом и незначительными царапинами? – торжествуя, заговорил я с улыбкой.

Кэт подняла голову и посмотрела на меня.

И в этот момент мне показалось, что остановилось время. От моей улыбки не осталось и следа. То, что я увидел в ее глазах, шокировало меня. Страх. Боль. Молодое и привлекательное лицо Кэт превратилось в маску, на которой проступили незаметные раньше страдальческие морщинки.

Мы стояли и молча смотрели друг на друга. Я понимал, что мне следовало что-то сказать, но в эти растянувшиеся мгновения не чувствовал в себе способности говорить.

– Машина сбила не меня, а человека, переходившего дорогу рядом со мной, – наконец, сказала Кэт, не сводя с меня своего взгляда – колючего, пронзительного. Чужого.

После паузы она продолжила, с нажимом проговаривая каждое слово.

– От удара его отбросило на несколько метров, как тряпичную куклу.

– А ты? – подал голос я.

– Что я? – переспросила Кэт, буравя меня глазами.

– Ты не ранена?

Она снова отвела взгляд, ее лицо приобрело прежнее безучастное выражение.

– Ни царапины, – почти прошептала она.

Я облегченно выдохнул. Что-то в ее состоянии становилось более понятным.

– Расскажи о том, как все произошло, – попросил я.

Молчание. Тишина, которую мне так редко доводилось слушать в этом доме. Она казалась мне неуютной, какой-то пугающей. Мне захотелось, чтобы Кэт поскорее сказала хоть что-нибудь. Но когда она заговорила снова, я пожалел об этом своем желании. Пустота в ее голосе пугала гораздо сильнее.

– Мы переходили по светофору на желтый свет. Неожиданно на полном ходу выскочила иномарка, никто не успел среагировать. Он стоял ближе, и весь удар пришелся на него.

– Ты дождалась гаишников? – спросил я.

Кэт покачала головой. Бесстрастно.

– Но почему? Ведь ты – главный свидетель ДТП. Неужели ты не хочешь, чтобы этот урод с купленными правами ответил за свой поступок? Неужели ты не...

Она лишь мотала головой в ответ на мои слова. Все, что я говорил в тот момент, казалось ей бессмыслицей. Вдруг я поймал себя на том, что чувствую досаду. На то, что едва

ли не впервые со времени нашего знакомства не понимал, что с ней происходит. На то, что не смог оказаться рядом, когда все случилось. На то, что не знал, чем помочь и не мог найти нужных слов. На то, что весь мой день был полной противоположностью тому, что происходило с Кэт. Досада. Маленькая черная точка, которая становилась все больше с каждой минутой, проведенной в этой комнате.

– Свидетелей и так было предостаточно, это произошло на людном перекрестке. А я не могла оставаться там, – проговорила она тихо.

– Не могла оставаться? – переспросил я. – А почему, собственно? Пострадал незнакомый человек. Каждый день на дорогах гибнут десятки, сотни людей. Да, это тяжело осознавать. Еще тяжелее видеть. Но почему ты...

Вдруг я остановился, озаренный внезапной догадкой. Черная точка превратилась в жирную кляксу.

– А кем был этот человек? И куда вы шли с ним? – спросил я.

Кэт медленно подняла голову. Она чуть нахмурилась, словно пытаясь сообразить, о чем я говорю. Затем ее взгляд прояснился. Она стремительно развернулась к окну, и, помолчав секунду, произнесла:

– Уходи, Виктор.

Всего два слова. И какая пропасть.

Пропасть, которая так внезапно разверзлась между нами. Я почувствовал это только после этих слов, хотя весь этот

разговор с самого своего начала подталкивал меня к мысли, что все идет не так.

Замешательство, недоумение, раздражение. Эмоции. Что-то сковывающее и не позволяющее как-то изменить ситуацию. Включить здравомыслие и посмотреть на происходящее в этой комнате под нужным углом. Меня не было здесь, как не было здесь и Кэт. Два других человека. Разных человека. Незнакомых.

Я ушел, не сказав ни слова. Не знал, что сказать.

Хлопнул дверью подъезда, едва не сорвав ее с петель.

Рывком согнал машину с места, мельком заметив, что наш куст сирени утонул в клубках дыма из выхлопной трубы.

Следующий день прошел, словно в тумане. Я ни на чем не мог сосредоточиться, ни одно из запланированных дел не мог довести до конца. Коллеги лишь по-доброму усмехались, глядя на меня. Так в их представлении выглядел «отходняк», который, по их мнению, непременно должен был со мной случиться после внеплановой премии.

Впрочем, с коллегами в тот день я почти не виделся. И вообще старался не отходить от рабочего места. Я ждал ее звонка. Но телефон упорно молчал, как будто испытывал мое терпение. Или подавал голос, но соединял с другими людьми, проблемы и заботы которых для меня в тот день казались малозначимыми. Эти звонки раздражали меня еще сильнее, чем тишина в кабинете. Я был немногословен, ста-

раясь как можно быстрее заканчивать все разговоры, чтобы не занимать телефон.

Кэт не звонила.

Несколько раз я пытался собраться с силами и набрать ее номер. Но каждый раз что-то останавливало меня. Сложно сказать, что именно. Наверное, я должен был находиться рядом с ней, что-то говорить, как-то успокаивать. Но при этом мне не хотелось сделать ей еще больнее. Все слова, которые я мог бы сказать, терялись, растворялись, когда я вспоминал ее лицо и голос во время нашего злосчастного разговора. Мне не хотелось больше видеть и слышать ее в таком состоянии. И я боялся, позвонив ей, снова застать ее в нем. Все, на что я был способен – это ждать. Надеяться, что ее улыбка и звонкий голос вернутся ко мне.

За несколько минут до окончания рабочего дня телефон зазвонил. Пролив кофе из чашки (седьмой за день), я схватил трубку.

Но звонок был не от Кэт, а от Валерии. Ее рабочий день тоже заканчивался, и она предложила встретиться. На самом деле была, конечно, длинная история о том, что она с друзьями решила подарить знакомой компьютер, и что ей нужен человек, который помог бы определиться с комплектующими по приемлемым ценам, и что этот человек, разумеется, я. Прекрасная легенда, если забыть о том, что я далеко не самый продвинутый компьютерщик в учреждении, и если не обращать внимания на «бархатный» голос, которым это

предложение излагалось. Что-то в ее голосе напомнило мне Кэт. Простота? Беспечность? Я сомневался, что все это действительно имело отношение к Валерии. Но согласился. Мне захотелось побыть с кем-то, кто мог бы хотя бы попробовать быть таким же солнечным и непосредственным, как Кэт. Я чувствовал, что мне не хватает ее хорошего настроения, ее шуток, смеха. Ее яркости и молодости. Ее света, который заставлял светиться и меня.

Валерия, похоже, действительно была не прочь провести со мной вечер. Визит в компьютерный салон занял около десяти минут. После этого она предложила мне оставить машину и побродить с ней по городу, «подышать свежим воздухом». Она держалась раскованно, оказалась интересным собеседником и обаятельным человеком, что до этой внезапной прогулки было для меня совершенной тайной. Наверное, в ее обществе я чувствовал бы себя вполне комфортно, если бы моя голова не была занята мыслями о Кэт. Улыбка, жесты, голос, походка, одежда – раз за разом я ловил себя на том, что сравниваю Валерию с ней. И ощущал вину перед обеими.

Когда мы с ней расстались, солнце уже склонялось к горизонту. Оставив мне свой номер телефона и одарив на прощание приветливой улыбкой, Валерия исчезла в своем подъезде. Престижный район, высотный дом, кодовый замок на металлической двери. Не похоже на наши с Кэт съемные жилища в престарелых пятиэтажках. Так же и жизнь Валерии

вряд ли походила на наши жизни. Ее рассуждения о работе, перспективах, деньгах, товарах, технологиях были интересны, но сильно отличались от того, о чем привыкли говорить мы с Кэт. Кто знает, если бы судьба в студенческие годы уготовила мне встречу не с Кэт, а с Валерией, я мог бы стать совсем другим человеком, и все вещи, интересующие ее, были бы не чужды и мне. Я тоже думал бы о карьере, о служебных интригах, о переезде в столицу – почему нет, это же здоровые амбиции.

Но случилось по-другому.

Мне было неуютно без Кэт. Впрочем, «неуютно» – слишком слабо сказано. Все равно, что сказать – человеку неуютно без дома, без тепла, без пищи. Я оставался совсем один. Мне предстояло вот так же бессмысленно блуждать по улицам, кабинетам и заведениям, заглядывать в чужие лица и окна... и что? Становиться другим? Замыкаться в себе? Бросать все свои силы на работу и получать удовольствие от похвал начальства и коллег? Ведь все это никогда не было главным для меня. Ничто не способно было заменить понимание, доброту, искренность, бескорыстие.

С каждой минутой, проведенной в этом тяготящем меня одиночестве, мне казалось, что я понимал себя лучше и лучше, но это не приближало меня к разрешению ситуации. Я был силен в рассуждениях, но совершенно беспомощен в действиях. «Она позвонит», – твердил я себе, словно заклинание.

Но не думал, что последует за этим звонком. Он сам по себе превратился для меня в символ, в волшебство, разрушающее злые чары. Все то же самое. Ожидание окончания розыгрыша. Ожидание света в ее глазах. Ожидание улыбки.

Улыбки не случилось. Не произошло волшебства, на которое я так рассчитывал, дежуря у телефона.

Кэт позвонила на следующий день.

Мое сердце забилося с оглушительной частотой. Мои глаза загорелись надеждой. Побелевшие от напряжения пальцы с силой сжали трубку. Голос непривычно задрожал.

Но через несколько секунд забрезживший было свет снова померк.

Тот же чужой бесстрастный «заколдованный» голос. Она предлагала встретиться на нашем месте в парке. Чтобы расстаться. Кэт не сказала этого, но у меня не было сомнений на этот счет. Последнее рукопожатие. Последнее «извини». Конечно. «Уходи, Виктор».

Положил трубку, в самый последний момент удержавшись от того, чтобы разбить телефон. Несколько вдохов и выдохов. Спокойно. Без резких движений. Работать. Выбросить из головы. Быть проще. Быть сильнее. Улыбаться. Лечиться и выздоравливать. Жить дальше.

«Нашим» местом в парке мы с Кэт называли третью по левую сторону от дорожки скамейку на каштановой аллее.

Здесь мы часто встречались и проводили бесчисленное количество времени в наши студенческие годы. После окончания института мы виделись здесь реже, но каждая встреча в парке была связана с чем-то хорошим. Каштаны каждый раз радушно принимали нас, словно старых знакомых. Они спасали нас от палящего солнца в знойные летние дни, позволяя лишь немногим пробивавшимся сквозь плотную листву лучам рисовать свои причудливые узоры на асфальтовой дорожке. Осенью каштаны сбрасывали листья к нашим ногам, и желто-зеленые ковры вокруг скамейки радовали глаз, дарили нам светлую грусть, в компании которой забывались заботы и проблемы. Пушистые сугробы, иней на ветвях превращал зиму на нашем месте в рождественскую открытку, которая день ото дня становилась только краше. Весной сюда возвращалось пение птиц, смех детей и ласковые улыбки молодых мам, адресованные своим чадам, посапывающим в колясках. И от всего этого снова оживали каштаны, стряхивали с себя снежинки и расправляли свои первые листочки – те, которые вскоре образовывали пышную резную крону, укрывавшую своих гостей от суеты остального мира.

Мы никогда не ссорились на нашем месте – здесь всегда было слишком красиво. Это была какая-то священная, возвышенная красота... И при этом она казалась нам с Кэт простой и доступной. Неприятные мысли и разговоры отступали сами собой. Впрочем, таких разговоров за историю нашего с Кэт знакомства было не так уж и много. Казалось, что им

неоткуда взяться. Казалось.

Я пришел на двадцать минут раньше срока, будучи не в силах усидеть на работе. Время тянулось неимоверно долго, и его течение было бессмысленным для меня. После звонка Кэт все насущные хлопоты показались мне ненужными, далекими, мелкими. У меня не укладывалось в голове, как люди могут всерьез заниматься ими каждый день и быть в гармонии с самими собой, считать себя непревзойденными тружениками. Из моего мира как будто бы изъяли самое главное. Содержательную часть, без которой жизнь превращалась в какую-то серую формальность вроде служебной записки, которую, не читая, подшивают в толстую папку. Наверное, поэтому, не дождавшись окончания рабочего дня, я примчался в парк. Мне был нужен ответ. Зацепка. Повод сохранить надежду. Или услышать последнее слово, которое эту надежду убьет.

Я не сразу узнал ее. Черный костюм, черная блузка. Я припомнил всего пару раз, когда видел ее в таком одеянии – это было на экзаменах в институте, да и то лишь потому, что в карманы пиджака было удобно прятать шпаргалки. Тогда ее улыбка и светлые волосы забавно контрастировали с черным цветом, смотревшимся чужаковато на ней, такой яркой и жизнерадостной. Но теперь Кэт была словно в плену этого черного цвета. Ее лицо выглядело уставшим, а волосы были решительно убраны со лба и собраны в тугий узел на затыл-

ке. Только походка – стремительная и уверенная – напоминала мне о той Кэт, которую я знал и надеялся снова увидеть.

Заметив меня, она тут же опустила глаза, но затем, будто одернув себя, вскинула голову и посмотрела на меня в упор.

– Привет, Вик, – обронила она, садясь на скамейку рядом со мной.

Она старалась, чтобы это прозвучало легко, но голос ее дрогнул. Или мне только показалось?

– Здравствуй, Кэт. Рад тебя видеть, – улыбнувшись, произнес я как можно более небрежно.

Фальшивка. Волнение, которое трудно скрыть за кривой усмешкой.

Молчание. Она деловито осматривалась. Я, не отрываясь, смотрел на нее.

– Как ты поживаешь? Что нового? – спросил я, продолжая глупо улыбаться.

– Все в порядке, – сказала она, не глядя на меня.

Снова пауза. Лишь шелест ветра в молодой траве и возгласы играющих детей откуда-то из глубины парка.

– Мне захотелось встретиться с тобой, – вдруг проговорила Кэт и, подумав, добавила: – Мне нужно было увидеть тебя именно здесь, на нашем месте. Мне нужно было пройти через это.

Тут она, словно опомнившись, бросила взгляд на меня и усмехнулась:

– Ты не понимаешь, о чем это я, верно?

Да, я не понимал. Просто смотрел на нее и ждал, что произойдет дальше. И чувствовал напряжение. Она сказала всего несколько слов, но мне становилось тревожно. И ее усмешка не разряжала ситуацию, она не казалась мне искренней и дружелюбной.

– Я хотела бы извиниться за то, что прогнала тебя. Ты ведь пришел по моей просьбе и пытался понять, что мне было от тебя нужно, – негромко заговорила Кэт, глядя куда-то вдаль. – А я и сама не знаю, для чего тебе позвонила. Просто ты был единственным, с кем я могла бы поговорить о том, что произошло. Но понять меня никто не мог бы. Поэтому глупо было с моей стороны обижаться на тебя. Прости.

Она склонила голову, подняла веточку и стала выводить на земле какой-то причудливый узор. Несколько секунд мы оба смотрели на него, пытаюсь собраться с мыслями.

– А еще я хотела сказать, что тот пострадавший мужчина не имел ко мне никакого отношения, – произнесла она. – Просто прохожий. Незнакомец. Мы оба двинулись на желтый, и это единственное, что нас связало. Встретились и расстались.

Я ждал. Мне казалось, это лишь прелюдия к чему-то важному.

Но Кэт взглянула на часы и взялась за сумочку.

– Мне пора, – сказала она задумчиво. – Знаешь, я хотела поблагодарить тебя. Эти годы были замечательными, такими светлыми, радостными. Во многом из-за тебя. Ты был со

мной тогда, когда мне это было действительно нужно, помогал мне чувствовать себя живой, необходимой.

Она снова посмотрела на меня, но тут же отвела взгляд.

– Теперь многое изменится. Мы вряд ли сможем видеться часто. Наверное, я вообще уеду из этого города, – закончила Кэт едва слышно. Помедлив, она потянулась ко мне и поцеловала в щеку. – Спасибо тебе, Вик.

Затем она подхватила сумочку и попыталась встать. Но чуть раньше, чем это случилось, я положил свою ладонь на ее запястье.

– Что с тобой, Катя? – спросил я, пытаюсь заглянуть ей в глаза. – Ведь ты не была такой. Посмотри вокруг. Весна. Помнишь, как мы ждали ее? Как мечтали о том, что снова станет тепло. О солнце, о птицах, о цветах. Смотри, ведь это время наступает. Наше время. Но в нем нет тебя. Почему?

Мой голос звучал серьезно, проникновенно, но где-то глубоко в нем затаилась безысходность, и я явственно слышал ее нотки. А если они были слышны мне, то, наверное, и Кате тоже.

Некоторое время она действительно смотрела по сторонам, не давая мне возможности увидеть ее лицо. Когда же Катя снова повернула голову ко мне, я увидел в ее глазах слезы.

Мне вдруг показалось, что это самое невыносимое зрелище из всего, что мне доводилось видеть в своей жизни. Захотелось обнять Катю и прижать к собственному запнувшемуся

ся сердцу, сделать что-то невероятное, что сможет избавить нас обоих от страданий.

Но в этот момент она сделала над собой усилие и заговорила. Слова давались ей с трудом, она делала большие паузы перед каждым предложением. Но продолжала говорить, преодолевая, переламывая себя.

– Знаешь, это неправда, что со мной все в порядке. Как неправда и то, что я не пострадала в той аварии. Да, я изменилась. И, возможно, не в лучшую сторону. Когда я заметила приближавшуюся машину и услышала визг тормозов, я вдруг ясно увидела свою жизнь в каком-то ином свете. Другими глазами. Успела оценить свои 25 лет и подвести итог. Если бы я переходила дорогу не с левой, а с правой стороны от того мужчины, то меня бы не стало. А что осталось бы за моими плечами? Что осталось бы от меня в этом мире? Мечты? Розовые сопли? Ожидание? «Весна, лето, осень, зима и снова весна»? Но зачем? Ради чего? Я жду. Жду волшебства. А его не будет, если я не смогу изменить что-то в себе, сделать что-то своими руками. Я хочу измениться. Мне пора измениться. Если я не могу сделать этого в этом городе, где столько воспоминаний о детстве, то мне нужно уехать отсюда. Сейчас я похожа на повзрослевшего ребенка, прощающегося со своей любимой игрушкой. Мне тяжело, мне больно, мне страшно. Видеть эти каштаны, эту траву, этих резвящихся детей. Видеть тебя, Вик. И понимать, что я не могу больше быть частью этой идиллии. Кэт больше не су-

шествует. Она погибла в аварии, забрав с собой все, что было тебе так дорого. А я... мне пора заняться делом.

С этими словами Катя поднялась со скамейки и направилась к выходу из парка, на ходу утирая слезы. Отойдя на несколько шагов от скамейки, она оглянулась. Единственный раз. Взмахнула рукой. «Прости меня», – прочел я по ее губам. Затем она развернулась и торопливо пошла по дорожке, глядя себе под ноги. Встречавшиеся люди проходили мимо нее, бросая недоуменные и сочувствующие взгляды.

Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась в воротах парка. Точка была поставлена. Я получил ответ. Лишился последней надежды.

А вокруг все было как будто по-прежнему. Солнце продолжало шествовать по небу. Теплый ветерок продолжал играть с юной листвой. Дети на лужайке были увлечены игрой в мяч. Влюбленные парочки прогуливались по дорожке или, обнимаясь, ворковали на соседних скамейках. Люди торопились домой или по магазинам после трудового дня.

Все были заняты своими привычными делами. Только я больше ничего не понимал. Фрагменты, мелькавшие перед моими глазами, больше не складывались в единую картину. Я лихорадочно искал хотя бы что-то родное в окружавшем меня пейзаже. Какую-нибудь деталь, которая помогла бы мне прийти в себя. Но тщетно. Все предметы были словно кем-то повернуты другими гранями ко мне, казались незнакомыми, пугающими, мертвыми. Даже каштаны. Даже солн-

це. Даже птицы. Все превратилось в пустыню, по которой я брел в полном одиночестве. Брел в неизвестном направлении. Брел, пошатываясь и теряя надежду найти хотя бы одно живое лицо. Еще одно живое лицо помимо того, которое я только что потерял.

На следующий день я не вышел на работу. Проснувшись по будильнику, я, посомневавшись, набрал домашний номер Валерии и сообщил ей, что появиться в конторе не смогу. Соврал, что отравился. Валерия была рада моему звонку, пообещала передать информацию шефу и любезно посоветовала не беспокоиться, а сосредоточиться на поправке здоровья. И еще предложила встретиться на выходных, если здоровье мне позволит. Она была мила и настойчива. Любому на моем месте такое внимание польстило бы. Но я поскорее закончил этот разговор, пообещав позвонить.

Да, после договора с вологодцами мой «кредит доверия» возрос, и я знал, что проблем с одним пропущенным днем не возникнет. Но я не знал, что мне делать с этим днем, равно как и с последующими за ним выходными. Мне хотелось только одного – зарыться с головой в подушку, спрятаться ото всего мира, поселиться в каком-нибудь подвале или на чердаке, где никто бы меня не нашел.

Некоторое время поскитавшись по квартире, я снова лег в кровать. Мыслей не было. Только усталость и опустошенность. Выключив свет, я повернулся к стене и вскоре забыл-

ся тем же тяжелым сном без сновидений, который истязал меня всю ночь перед пробуждением.

Разбудил меня телефонный звонок. Я взглянул на часы. Был уже вечер, начало шестого. Проспал всю ночь и более восьми часов днем. И не чувствовал себя отдохнувшим, посвежевшим. Время, потраченное впустую. Убитое. И если бы не звонок, восемью часами никак бы не ограничившееся.

В трубке послышался голос Майка, который громко напомнил о том, что все уже собрались у него и ждут только меня. Отнекиваться в разговоре с ним было бесполезно, да и не хотелось. В конце концов, отдых в шумной компании был не самым плохим способом скоротать вечер. Даже несмотря на то, что настроения для веселья у меня не было никакого.

– А вот и тот самый таинственный последний гость! – провозгласил Майк, когда мы с ним зашли, наконец, в гостиную после трогательной приветственной церемонии.

За большим столом сидело около десятка людей и, когда зазвучал зычный бас Майка, все повернули головы в нашу сторону. Знакомых лиц я не увидел, что было даже к лучшему. Мне не хотелось, чтобы кто-то узнавал меня и лез с расспросами. Впрочем, несколько мест за столом пустовало, – видимо, кто-то из гостей вышел покурить.

– Так, кажется, у нас кого-то не хватает, – подтвердил мою догадку Майк и заглянул на кухню: – Девчонки! На выход!

Новый гость пришел!

Из кухни раздалось «уже идем!» и через несколько секунд в комнату действительно вошли две...

Этого не могло быть.

Жизнь обычно не допускает такого рода случайностей.

Но это произошло.

Следом за улыбавшейся крашеной блондинкой лет тридцати появилась Катя. На ее лице вновь не было улыбки, в ее облике вообще почти ничего не изменилось со времени нашей встречи в парке. Только блузка на ней в этот раз была белая, да губы были подкрашены непривычно яркой помадой. Увидев меня, Катя остановилась. Ее глаза расширились от удивления.

– Милые девушки и остальные дорогие гости! – важно продекламировал Майк. – Представляю и рекомендую! Мой старый школьный друг Витя Ковалев!

Гости приветственно загудели.

– Холостой? – разглядывая меня, с улыбкой спросила блондинка, вошедшая вместе с Катей.

Я молча кивнул.

– Тогда сажай его рядом со мной, – удовлетворенно проговорила она и протянула мне руку. – Людмила.

– Виктор, – услышал я свой голос и снова посмотрел на Катю. Та стояла, не шевелясь, явно сбитая с толку моим внезапным появлением. Ее взгляд перескакивал с одного лица на другое, но на меня она старалась не смотреть.

– Ты все спрашивала, солнце, с кем это я надрался на выпускном, – весело захохотал Майк, обнимая Людмилу за плечи. – Вот он, голубь. С ним самым.

– Вот как? – вопросительно подняла бровь Людмила, продолжая разглядывать меня. – Что ж, мы будем иметь это в виду и следить за вами обоими. Правда, Катюха?

Она оглянулась на Катю и взяла ее под руку.

– Это моя подруга Катя. Мы с ней тоже сто лет не виделись. Очень рекомендую, – проговорила Людмила.

Катя растерянно кивнула. Я растерянно кивнул.

Майк довольно хмыкнул.

– Ладно, теперь будем знакомиться с остальным ближним кругом, – сказал он и повел меня к столу.

Я не запомнил ни одного имени. Перед моими глазами пробежали улыбки, блестящие от выпитого до моего прихода глаза, шикарно сервированный стол. Сидевшая рядом Людмила строила гримасы Майку и расспрашивала меня о работе, о личной жизни. Обо всяких пустяках. Слышался смех, шутки в исполнении как Майка, так и его развеселившихся гостей.

Все это превратилось в фон с того момента, как я увидел Катю. Мое сердце учащенно билось. Я понимал, что мне ни к чему заговаривать с ней, даже смотреть на нее. Что мое внимание доставляет ей неудобство. Что мне самому становится только больнее каждый раз, когда я вглядываюсь в ее лицо. Но я не мог не ловить ее взгляд, не стараться запомнить

каждую черточку, каждую эмоцию. Замечала Катя это или нет, но за столом она держалась подчеркнуто отстраненно, лишь изредка вежливо улыбаясь в ответ на реплики гостей.

Вдруг я услышал свое имя.

– Витек! – еще раз окликнул меня Майк. – Ты еще не проснулся, я смотрю? Придется тебя встряхнуть! Ну-ка разродись-ка тостиком! Все ж таки ты, как никак, штрафник-опазданец у нас!

Он усмехнулся и самодовольно посмотрел на гостей. За столом раздался дружный смех.

– Давай-ка, Виктор, – поддержала Майка Людмила. – Только скажи что-нибудь оригинальное, а то за хозяина дома и за гостей выпили уже раз по шесть, не меньше.

Она с иронией посмотрела на Майка, и гости снова рассмеялись.

– Давай, старик, не подкачай, – отсмеявшись, прокричал Майк и разлил вино по бокалам.

Я нерешительно посмотрел по сторонам, и глаза мои в очередной раз нашли Катю. Она взяла поданный бокал и взглянула на меня. Просто взгляд, наверное. Но мне он показался призывом.

– Оригинальное, значит? – проговорил я. – Ну что ж, попробую.

Поднявшись, я оглядел гостей. Сытые улыбки на лицах. Развязные позы. Бокалы в руках. Замерли в ожидании новой «убойной шутки».

– Я хотел бы поднять этот бокал за жизнь. За ту ее сторону, о которой многие из нас не имеют представления и за ту, которая нам хорошо знакома. За то, что в жизни уживается все. Правда и вымысел. Горе и радость. Фальшь и искренность. Предательство и жертвенность. Настоящая любовь и пародия на нее. Иногда нелегко отличить одно от другого. А обознавшись, легко сбиться с ритма, запутаться, потерять уверенность в своих силах. В такие минуты трудно оставаться одному. В такие минуты хочется видеть рядом хотя бы одного человека, который мог бы постараться услышать тебя. Жизнь хороша тем, что она дает каждому шанс встретить этого нужного человека. И если удастся удержать его рядом; если ты ценишь то, что имеешь; если не требуешь больше, чем можешь получить, то ты можешь быть непобедимым. Можешь быть готов к любым сложностям, на которые эта жизнь способна. Именно ты можешь быть хозяином собственной жизни. Понять ее истинный смысл и свое истинное предназначение.

Еще секунду я разглядывал вино в своем бокале, затем молча опустошил его и снова посмотрел на гостей. Никто из них не смотрел мне в глаза. Даже Майк с озадаченной ухмылкой изучал этикетку на бутылке, постукивал пальцами по краешку стола и молчал. Людмила искоса поглядывала на него.

Мне было страшно смотреть в сторону Кати. Я боялся снова увидеть пустоту в ее взгляде. Но, преодолев этот страх,

я повернул голову в ее сторону.

Она, не мигая, смотрела мне прямо в глаза.

Ее взгляд стал другим. Я не мог понять, что именно изменилось. Но увидел что-то родное в ее глазах. И почувствовал облегчение.

Она робко улыбнулась мне.

Кэт.

Или Катя?

Да какая разница.

Июнь 2005

Двадцать шагов

Следующий кадр будет пятым, грядет первый мини-юбилей. Значит, мы в пути уже почти полчаса. Она по-прежнему идет в своем темпе – не спеша, но и не задерживаясь ни у витрин, ни у афиш, ни у автобусных остановок. Трудно сказать, направляется куда-то или просто бредет в задумчивости. Впрочем, меня это не касается. Пусть Макс Сергеевич морщит лоб, изучая снимки, которые от меня поступают. Пусть сам вычисляет причудливый маршрут своей принцессы. Моя задача – держаться от объекта на расстоянии примерно двадцати шагов и не дать ему исчезнуть из поля зрения. «Объект», «поле зрения»... Что еще за скромное обаяние профессионального сленга? Настолько вжился в образ шпика? Нет, скорее просто успокоился. Это хорошо. Хладнокровие и внимание – больше мне, пожалуй, ничего и не потребуется. Поначалу волновался. С непривычки, наверное. Боялся упустить. Молодая девица все же, прыг в такси или автобус и попробуй догони. Это мне-то в мои пятьдесят с гаком мчатся за особой лет двадцати пяти, да еще не забывать щелкать ее на мобильник раз в пять минут, как потребовал ее чудаковатый супруг. Все это поначалу казалось мне трудным. Но нет, все сложилось как нельзя лучше. Она пошла пешком, да еще нарядилась в ярко-красный плащ, который в купе с ее огненно-рыжими кудрями превратил девчонку в

идеальный объект для слежки. Идет, не оглядывается. Погружена в свои мысли. Собственно, мне нет до этого никакого дела. Я веду ее от дома до дома и на следующий день получаю гонорар за весь этот идиотизм.

Время. Пять минут прошло.

Мобильник.

Секундочку, сударыня. Улыбнитесь, вас снимают. Ага, на фоне мебельного салона будете смотреться прекрасно. Так, а теперь увеличим. Есть.

Смотрим.

Мелковато, но узнать можно. Во всяком случае, Макс Сергеич не ошибется.

Отправляем. Ну, держи, уважаемый, новую загадку. Похоже, твоя супруга движется в сторону проспекта. Скоро будет церковь, затем мост и еще через полквартала нас снова поприветствуют «огни большого города».

Хотя, до самих «огней» еще порядочно времени. Рабочий день только заканчивается, скоро улицы и общественный транспорт начнут заполняться спешащими домой людьми, а продуктовые магазины – многочисленными покупателями «чего-нибудь вкусенького к ужину». Пока еще довольно тихо, я даже могу позволить себе продолжить преследование, двигаясь по другой стороне улицы – никто не мешает мне наблюдать за моим красно-рыжим человечком, шагающим по осенним улицам в неизвестном мне направлении. Может быть, любовник тоже пока что занят «на производстве»?

И поэтому она вынуждена убивать время таким вот образом? Сейчас как выхватит из кармана звенящий телефон, как вскрикнет от радости, да как остановит первую встречную машину. Только ее и видели. А?

Надо же, ноль эмоций. Ни тени беспокойства. Неужели за эти двадцать с лишним минут я успел настолько срастись с ролью отпетого сыщика?

Да нет, проще все, конечно. Первый всплеск возбуждения от необычности происходящего иссяк, а на смену ему не пришло ничего. Кроме отвращения разве что. Тоже мне, пародия на шпионские фильмы. «Агент идет по следу». Не мальчик уже вроде бы. Отлично понимаю, что занимаюсь недостойным делом, за которое еще неделю назад не то, что не стал бы браться, а поднял на смех любого, кто согласился бы на такую работенку. Ан нет, не теперь. Вот так принципы посылаются куда подальше, когда человек остается без работы и без средств к существованию. Да и без интереса к этому существованию также.

Ладно, вернемся к нашим баранам.

Девушка замедляет шаг, затем останавливается. Пристально смотрит на церковь, стоя вполоборота ко мне. Я наблюдаю за ней у витрины цветочного ларька. Неужели зайдет? Вот это станет неожиданностью для Макса Сергеича.

Нет, просто смотрит, не двигаясь с места.

Взгляд из серии «милый Боже, если ты есть, сделай так,

чтобы...» Словно ребенок, загадывающий желание под куранты.

Терпеть не могу этого. Люди, стремящиеся в церковь за советом, помощью, с откровениями. И выходящие оттуда как будто очищенными. Но затем продолжающие жить так же, как и раньше. Как ни в чем не бывало. Грешащие направо и налево. Продающие и предающие. Лживые, высокомерные, душевно праздные. Наверное, это заложено в человеческой природе, и с этим надо смириться, принять как данность. Наверное, я и мирюсь. Но при этом слышать их бесконечный пустой треп о вере, милосердии и бескорыстии или наблюдать умильные сцены вроде той, что я вижу сейчас, мне уже трудно. Эти излияния бесят меня.

Всю свою жизнь я верил в доброту и справедливость. Старался поддерживать их в себе, в семье, воспитывать в дочери. Делать все возможное, чтобы люди вокруг меня тоже поверили в эти святые для меня вещи.

Каков итог? Да никакого. Друзей разбросала жизнь, Ленка вышла замуж и без оглядки укатила с мужем за тридевять земель, с Верой разошлись еще раньше – так и не смогли «сойтись характерами». Ага, прямо афоризм. «Развод с Верой». И печальней всего то, что он бьет прямо в точку. Иначе чем еще можно объяснить, что я здесь, присматриваю за этой девицей ради того, чтобы ее муж мог убедить себя в ее измене. Я сам предал свою веру, оказался слабым, беззащитным перед перипетиями жизни. Хорошо рассуждать о нравствен-

ности, имея в кармане обеспеченную старость. Хуже обстоит, когда приходит время пройти испытание на прочность, на устойчивость. Испытание одиночеством, предательством кого-то из ближнего круга. Честь и хвала тем, кто выдерживает. Кто не боится остаться один, кто не боится быть непонятым. Я не отношусь к числу этих героев – порядочных, не замаравших руки и душу в этой изматывающей, вытягивающей жилы повседневной суете. Увы.

Я – здесь, и доведу это нелепое действие до логического конца. Чтобы получить деньги за проделанную работу. Может быть, через какое-то время удача улыбнется мне, и я снова получу неплохую должность. И снова стану правильным, честным, образцовым, непорочным. А об этом казусе постараюсь забыть или убедить себя, что другого выбора у меня не было. Что справедливость в том и заключалась, чтобы помочь одному человеку открыть глаза на поступки другого, а о средствах достижения этой цели скромно умолчу. Может быть. Только сейчас для меня это пустые отговорки, не имеющие отношения к реальности, в которой безработный неудачник неуклюже подглядывает за чужой неверной женой.

И решает по такому случаю сделать еще один ее снимок «на добрую память» супругу. Теперь она на мосту. Что ж, он будет вполне узнаваем. Поехали.

Ах, какой фотограф умирает во мне! Прекрасная картин-

ка. Верно говорят, что человек всегда получается лучше, когда не позирует, не делает умное лицо перед камерой. Впрочем, Макс Сергеич вряд ли оценит красоту снимка. Нахмурится, наверное. В очередной раз спросит себя: «Что это у нее на уме?»

Замысел снимать все ее перемещения на встроенную камеру мобильного, конечно, принадлежит ему. С какой гордостью он выложил на стол этот крохотный аппарат! Смешной малый этот Макс Сергеич. Или Максим Сергеевич, как он себя важно представил. Вообще, бросилось в глаза его стремление быть похожим на кого-то солидного, на взрослого, на Мужчину. В его понимании, разумеется. В моем представлении он еще совсем мальчик, который никак в игрушки не наиграется. Что может быть авантюрнее, чем нанять по объявлению случайного человека, чтобы тот отправился по следам его молодой жены, да еще снабдить этого субъекта мобильным телефоном в качестве следящего устройства? Додуматься надо. Когда мы прощались, я не выдержал и спросил у него – мол, зачем тебе все это, сынок? Если есть подозрение, что твоя принцесса тебе изменяет, то не проще ли обсудить ситуацию, как-то урегулировать ее без привлечения посторонних? На что он снял свои модные очки, устало потер переносицу (готов поспорить, что этот жест он срисовал у своего шефа или еще у кого-то) и мрачно изрек: «Вы ее не знаете. Я не могу с ней говорить серьезно. Она – избалованный ребенок». Смех. А сам-то.

Впрочем, это он заказывает музыку, а потому спорить с ним не в моих интересах. Наверное, для него я – маленький, жалкий, готовый удавиться за копейку дурачок. Во всяком случае, для такой работы именно такой ему был бы полезен. Забавно было видеть, как он разглядывал меня при нашей встрече. Фейс-контроль. Справится или не справится? Опасен или безобиден? Видимо, все же последнее, раз доверился мне. Интересно, а если бы я взял да нарушил наши с ним договоренности? Послал бы каких-нибудь буйволов на мои поиски? Ведь, насколько я понимаю, именно так бы поступили те, на кого он старается быть похожим?

Да, времена меняются. Каждое поколение ищет своих героев. В моей молодости были «битлы» и «роллинги», свобода в глазах и музыке этих парней. А в его молодости? Окончание холодной войны и развал Союза? Бандюганы на улицах и вседозволенность? Чему же тогда удивляться?

Я и не удивляюсь. Кого я могу ставить им в пример? Себя? Смешно. В один прекрасный день моя единственная дочь собрала вещи и уехала. Теперь два-три телефонных звонка в год – это все, что нас связывает. Наверное, я лучше всех представлял себе, как нужно воспитывать ребенка. Наверное, я считал, что она будет бесконечно терпеть наши с Верой ссоры и улыбаться. Наверное, я был уверен, что уделяю ей достаточно времени, болтаясь на работе и перебрасываясь с ней по вечерам дежурными репликами. Наверное, я очень удивился, обнаружив, что она повзрослела и имеет свою точ-

ку зрения на то, что происходит. Наверное, при всем этом мне казалось, что я прекрасный отец. Теперь я так не думаю. Мне стыдно за себя. И теории о том, какой должна быть современная молодежь, для меня останутся теориями. Колебаниями воздуха и бумагомаранием. Кого я хотел вырастить из Лены? Встречались ли мне люди, знакомством с которыми я мог бы гордиться? Подлинные герои, бескорыстно сеющие добро и не требующие подарков от судьбы. Просто живущие и старающиеся сделать этот мир лучше. Не гонящиеся за славой, пониманием, вниманием к своим щедротам. Нет. И не думаю, что они существуют в природе. Все мы всего лишь люди, украшенные как достоинствами, так и недостатками, уравнивающими друг друга. О тех, кто чего-то добился, слагают легенды. Но эти легенды создаются нами же, потому что нам постоянно нужен «луч света в темном царстве». Придуманный луч, обманчивый. У меня нет веры в этот хрупкий идеал, как, впрочем, больше нет веры в себя и свою правоту. Так могу ли я судить этих новых и непонятных мне людей вроде Макса Сергеича? Они не лучше и не хуже. Просто другие. И, возможно, понимающие в этой жизни больше, чем мы, предыдущее поколение. Во всяком случае, сейчас именно я на послышках у этого молодого парня.

Кстати, вернемся к своим прямым обязанностям.

Вот он, проспект. Можно было бы определить с закрытыми глазами, – шум городской жизни не утихает здесь до

поздней ночи. И ведь кто-то живет здесь, в этих домах с видом на площадь, гордится тем, что каждый вечер может заснуть, только наглухо закрыв окна. Ох уж этот очаг цивилизации.

Ладно. Надо ускориться. Девушка уже добралась до перекрестка. Становится людно, пора перебираться на ее сторону. Осталось только определиться с направлением ее дальнейшего движения. Направо или налево? А может, прямо? Итак, каково решение?

Вместо ответа она поднимает голову к небу.

Долгий-долгий взгляд.

Пардон, не понял.

На светофоре загорается зеленый, и толпа вокруг нее движется вперед. Какой-то здоровенный детина плечом отодвигает девушку в сторону, не вынимая рук из карманов куртки. Она пошатнулась, но даже не взглянула на него. Следом спешит бабушка с авоськой в руке. Что-то кричит ей, но девушка, кажется, так увлечена созерцанием неба, что не обращает внимания на происходящее на грешной Земле.

Я в недоумении. Жду завершения этой немой сцены.

Украдкой смотрю на небо. Ничего необычного не вижу. Ни самолета, ни парашютиста, даже птицы куда-то делись.

Нащупываю мобильник. Не понимаю, что именно нужно снимать. Лишь чувствую, что происходит нечто важное. И

необъяснимое.

Очередной тычок в спину как будто приводит ее в чувство. Она опускает глаза, делает несколько шагов вперед, но затем снова останавливается.

Секундная пауза.

Вдруг она разворачивается и идет обратно. Неторопливо, но уверенно, так же, как и до перекрестка. Только в противоположную сторону. Ни направо, ни налево, ни прямо. Назад. Туда, откуда мы с ней только что пришли.

Вспоминаю про снимок и торопливо ловлю ее в изображение на дисплее.

С удивлением отмечаю, что мои руки дрожат.

Дурацкий кадр. Ни о чем не говорящий. Просто идет по улице.

Еще раз. Бессмыслица. Красный плащ и рыжие кудри на фоне серого здания почты. Ну и что? Но ведь что-то произошло, Макс Сергеич. Поворот, который мог бы тебя заинтересовать. И который бесполезно пытаться зафиксировать документально со стороны.

Снова бросаю вопросительный взгляд на небо. Все на месте. Солнце медленно направляется на запад, облака неторопливо следуют севернее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.